

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. И.И. ПОЛЗУНОВА

Институт экономики и управления
Кафедра международных экономических отношений

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИЭМИС

Кафедра экономической теории

Ю.Ю. Наземцева

А.Я. Троцкий

**ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА
И ИХ УЧЕТ В ПРОЦЕССЕ СТРАТЕГИРОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)**

Учебное пособие

Паспорт научной специальности: 08.00.05 – Экономика
и управление народным хозяйством (региональная экономика)

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

УДК 33:91(571.150)(075.8)
ББК 65.049(2Рос-4Алт)я73
Н 195

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор В.В. Мищенко;
доктор экономических наук, профессор С.В. Лобова

Н 195 Наземцева, Ю.Ю. Территориальные аспекты социально-экономического развития региона и их учет в процессе стратегирования (на примере Алтайского края) [Текст] : учебное пособие / Ю.Ю. Наземцева, А.Я. Троцковский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. – 94 с.

ISBN 978-5-7904-2403-8

Учебное пособие включает три раздела. Первый из них посвящен пространственному развитию Алтайского края.

Во втором разделе дан социально-экономический портрет территориальных зон Алтайского края и объясняются дисбалансы в развитии Алтайского края на современном этапе развития.

Третий раздел раскрывает проблемы и перспективы регионального стратегического стратегирования. Детально представлен анализ практики регионального стратегирования в Алтайском крае.

Данное пособие рекомендовано в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность», направлению подготовки «Экономика», а также по другим экономическим направлениям.

УДК 33:91(571.150)(075.8)
ББК 65.049(2Рос-4Алт)я73

ISBN 978-5-7904-2403-8

© Наземцева Ю.Ю., Троцковский А.Я., 2019
© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Раздел 1. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ.....	8
1.1. ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1990-2010 ГГ	8
1.2. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЗОНЫ И ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОКРУГА	19
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К РАЗДЕЛУ 1.....	34
Раздел 2. ДИСБАЛАНСЫ В СОВРЕМЕННОМ РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ДОЛГОСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ.....	35
2.1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЗОН АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ ЧЕРТЫ, РИСКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ.....	35
2.2. СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЮЖНОЙ ЗОНЫ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД	47
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К РАЗДЕЛУ 2.....	55
РАЗДЕЛ 3. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СТРАТЕГИРОВАНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ	56
3.1. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СТРАТЕГИРОВАНИЯ В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ.....	56
3.2. АНАЛИЗ ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО СТРАТЕГИРОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ	65
3.3. ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ 3.....	70
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К РАЗДЕЛУ 3.....	74
Приложение. Характеристика территориальных зон Алтайского края в таблицах.....	76
Библиографический список.....	88

От авторов

Уважаемые студенты!

Вы держите в руках нетипичное пособие по региональной экономике. Можно сказать, что в определенном смысле оно носит инновационный характер.

Мы решили отойти от традиционной схемы написания учебных пособий, согласно которой глубоко освещается одна из изученных тем из области устоявшихся знаний, как правило, нашедших свое отражение в учебниках.

В настоящем пособии реализована другая идеология, нацеленная на то, что студент должен получить знания с «фронтов науки», образно говоря, прямо со стола исследователя.

Такой подход не отрицает, а, напротив, дополняет существующие методики написания пособий. С нашей точки зрения, именно такой подход позволяет обучающимся отойти от так называемого «школярства» и прикоснуться к миру науки.

Конечно, без глубоких, хорошо усвоенных азов регионалистики в мир региональной науки заглянуть не удастся. Но, с другой стороны, многознание есть лишь площадка для понимания и объяснения сложнейших и зачастую противоречивых (как по целям, так и по результатам) процессов развития территориальных социально-экономических систем.

Принятая нами концепция подготовки учебного пособия предопределила как содержание работы, так и форму подачи материала. Внимательный читатель увидит в пособии не только историографию пространственного развития Алтайского края, но и оценку дисбалансов в современном региональном развитии, а также критический анализ практики регионального стратегирования.

Авторы выражают искреннюю признательность ведущему научному сотруднику лаборатории социально-экономических исследований Алтайского края доктору социологических наук А.М. Сергиенко и старшему научному сотруднику лаборатории кандидату социологических наук Л.В. Родионовой за помощь в подборе и интерпретации использованного в пособии материала.

ВВЕДЕНИЕ

Дискуссии о необходимости разработки региональных аспектов Стратегии развития страны и ее регионов остались сегодня в прошлом. Анализ пространственной организации хозяйства и размещения населения является обязательной предпосылкой формирования и реализации научных основ региональной политики. В этом отношении в крае не раз предпринимались попытки зонирования территории для целей управления.

Одной из первых попыток была разработка в 1984 г. Центром по изучению проблем народонаселения Московского государственного университета основных направлений формирования единой системы населенных мест и их социального и демографического развития в Алтайском крае. Основные направления формирования единой системы населенных мест и их социального и демографического развития в Алтайском крае отражены в научном отчете Центра по изучению проблем народонаселения МГУ [27].

Широкое распространение получил структурно-территориальный анализ хозяйства края. Так, учеными ИЭОПП СО РАН на основе динамики социально-экономических процессов, степени использования стартового производственного потенциала, интегральных показателей экономической эффективности производства, источников формирования местных бюджетов и денежных доходов населения по результатам которого были выделены различные типы районов и городов края [20].

Построение классификаций и типологий административно-территориальных образований края по различным основаниям не ограничилось вышеуказанной работой. Укажем, для примера, на ряд работ новосибирских и алтайских ученых [37, 44, 46].

Написание вышеназванных работ было связано с решением ряда вопросов учета особенностей социально-экономического развития территорий в процессе стратегирования и, в особенности, применительно к региональному уровню управления. Так, к примеру, осталось неясным в разрезе каких территориально-

административных единиц должен быть разработан территориальный раздел региональной стратегии – городских округов и административных муниципальных образований либо более укрупненных территориальных единиц (ареалов, функциональных зон, территориальных округов).

В Алтайском крае, в частности, после формирования Стратегии развития края на период до 2025 г. [4] (далее региональной Стратегии), было принято решение о разработке Стратегий развития четырех зон экономического роста: Южной, Юго-Восточной, Северо-Западной, Северо-Восточной [5, 6, 7]. К настоящему времени (сентябрь 2019 г.) утверждены Стратегии развития трех зон экономического роста края (Северо-Восточной, Северо-Западной и Юго-Восточной). Легализация разработанной Стратегии развития Южной зоны экономического роста не осуществлена до настоящего времени. Причины сложившейся ситуации связаны с неудовлетворительным качеством разработанного стратегического документа, о чем конкретно речь пойдет ниже.

Как следует из распоряжения главы администрации края, смысл такого шага заключался в двух моментах: 1) реализации региональной стратегии посредством «привязки» ее к конкретным административно-территориальным единицам; 2) увеличении степени сбалансированности регионального развития.

Содержательный смысл конкретизации региональной Стратегии в целях ее скорейшей и эффективной реализации сомнений не вызывает. Дискуссионным в данном случае являются основания, по которым городские округа и муниципальные административные образования были отнесены к той либо иной зоне экономического роста. По крайней мере, на наш взгляд, никаких научно обоснованных критериев (за исключением территориальной близости) при формировании зон экономического роста не выдвигалось, а решение, как нам представляется, было во многом субъективным.

Неясно, в частности, почему в основу выделения зон экономического роста не были положены существующие в Алтайском крае наряду с муниципальными образованиями так называемые внутрирегиональные социально-экономические районы (управленческие округа) [1]. Между тем, управленческие округа, на

наш взгляд, являются инновационными и, главное, перспективным инструментом регионального управления, заслуживающим особого внимания.

Что же касается второй подцели – роста сбалансированности развития региона, то ее достижение, на наш взгляд, подразумевает иную, чем это реализовано в крае, ориентацию стратегий зон экономического роста.

Разработанные стратегические документы должны были, на наш взгляд, дать ответы на два вопроса:

1) какой именно потенциал муниципальных образований края должен быть задействован чтобы обеспечить его гармоничное, сбалансированное развитие?

2) каковы должны быть эффективные механизмы обеспечения взаимодействия и координации деятельности местных органов власти в условиях существующей парадигмы территориального управления?

Кстати сказать, определению сбалансированности регионального развития, соотношению этого понятия с понятиями устойчивости региональной системы, ее живучести гармоничности, комплексности развития и т.д. посвящены сотни статей [12, 33, 34]. Оценивая в целом подходы к определению сбалансированного регионального развития, его принципам, характеристикам, показателям, факторам отметим, что авторы весьма далеки от формирования общих взглядов и позиций на рассматриваемые проблемы.

В настоящем пособии нет однозначных ответов на поставленные вопросы. Цель данного учебного пособия в другом – дать общее представление о структуре социально-экономического пространства Алтайского края, имеющих подходах к оценке, практике использования элементов структуры социально-экономического пространства в целях стратегирования.

Без ответов на эти вопросы формирование и совершенствование «территориального блока» Стратегии социально-экономического развития региона будет затруднительно.

Раздел 1. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ

1.1. ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1990-2010 ГГ.

Для Алтайского края характерна значительная территориальная дифференциация по уровню социально-экономического развития муниципальных образований. Она во многом была обусловлена как сложившимися накануне реформ различиями в накопленном производственном потенциале (в 1970–1990 гг.), так и специализацией хозяйств сельских районов.

Алтайский край уже накануне реформ имел существенные внутрирегиональные различия в уровне и качестве жизни населения вследствие более низких по сравнению с промышленностью доходов сельского хозяйства. Дифференциация уровня жизни населения внутри края в 1990 г. достигала трехкратного размера.

В 1990 г. имелся четырехкратный разрыв в уровне экономического развития между отсталыми и высокоразвитыми районами. К категории отсталых относились районы, граничащие с Новосибирской и Кемеровской областями, Павлодарской областью Казахстана. Полюсами же экономического роста в период 1980–1990 гг. были города Алтайского края и формирующиеся вокруг них промышленные агломерации: Бийская, Барнаульская, Рубцовско-Змеиногорская. Наличие больших и крупных развитых городов, как известно, является благоприятным фактором развития территории. По мере удаленности от более или менее урбанизированных зон в условиях недостаточного развития транспортной сети увеличивается концентрация зон депрессивности.

В середине 90-х годов в крае имелись две крупные промышленные агломерации с диверсифицированной структурой промышленности: Барнаульско-Заринская и Бийско-Зональная и два ареала – Рубцовско-Змеиногорский и Славгородско-Кулундинский с относительно узкой промышленной специали-

зациями. На их долю приходилось свыше 90% производства промышленной продукции края, в том числе 47% - в г. Барнауле.

В Барнаульско-Заринской промышленной агломерации были сосредоточены энергетическое и транспортное машиностроение, станкостроение и приборостроение, химическая и нефтехимическая, металлургическая, легкая и пищевая промышленность. Бийско-Зональная агломерация имела аналогичный состав отраслей, однако со значительно большей долей военно-промышленного комплекса в химической промышленности. В Рубцовско-Змеиногорской агломерации доминировали сельскохозяйственное машиностроение и цветная металлургия, а в Славгородско-Кулундинской – химическая и пищевая промышленность.

Остальная территория имела преимущественно аграрную специализацию: промышленное производство было рассредоточено по 48 сельским административным районам, на долю которых в 1995 г. приходилось около 9% всего объема производимой в крае промышленной продукции и 6,5% от числа занятых в промышленности.

В рассматриваемом периоде в Алтайском крае имелись две крупные промышленные агломерации с диверсифицированной структурой промышленности – Барнаульско-Заринская и Бийско-Зональная, а также два ареала - Рубцовско-Змеиногорский и Славгородско-Кулундинский с относительно узкой промышленной специализацией. На их долю приходилось свыше 90% производства промышленной продукции края, в том числе 47% в Барнауле. В Барнаульско-Заринской промышленной агломерации было сосредоточено энергетическое и транспортное машиностроение, станкостроение и приборостроение, химическая и нефтехимическая, металлургическая, легкая и пищевая промышленность. Бийско-Зональная имела аналогичный состав отраслей, однако со значительно большей долей военно-промышленного комплекса в химической промышленности. Рубцовско-Змеиногорский ареал был представлен сельскохозяйственным машиностроением и цветной металлургией; Славгородско-Кулундинский – химической и пищевой промышленностью.

Отличительной чертой аграрного сектора Алтайского края была неразвитость перерабатывающей промышленности в сельскохозяйственных ареалах. Практически вся пищевая промышленность находилась в Барнаульском ареале и крупных промышленных агломерациях. Это послужило одним из главных факторов падения эффективности производства в агропромышленном комплексе при либерализации транспортных тарифов и цен: почти в 5 раз сократился радиус рентабельной транспортной доступности продукции животноводства. Процент товарности за три года (1992–1994 гг.) снизился по зерну с 32 до 24%, молоку – с 91 до 78%, картофелю – с 53 до 24%, яйцам – с 89 до 86%.

Внутрирегиональные пропорции развития края во многом были предопределены его аграрно-промышленной специализацией с преимущественной ориентацией на межрегиональные и внешние рынки сбыта сельхозпродукции.

Размещение сельхозпроизводства в территориальном разрезе можно было в целом охарактеризовать как равномерное. Тем не менее выделялись аграрные ареалы с высокой концентрацией сельскохозяйственного производства: Барнаульский и Родинско-Завьяловский, суммарно производившие 38,5% валовой продукции сельского хозяйства. Несмотря на то, что большая часть сельхозпредприятий имела универсальное производство, выделялись ареалы с животноводческой специализацией: Рубцовско-Змеиногорский, Славгородско-Кулундинский, Бийский и Северо-Западный (рис. 1).

В ходе реформ произошла еще более глубокая дифференциация территорий по степени потери производственного потенциала и, следовательно, экономической базы формирования местных бюджетов и денежных доходов населения. Так, в 1991–1995 гг. ни одному из сельских районов не удалось избежать экономического спада и падения уровня жизни населения. Различия в темпах спада достигали по инвестициям 7 раз, по спаду производства – 4 раза.

Наряду с традиционно отсталыми сельскими районами появились депрессивные территории. Целый ряд районов оказался в критическом состоянии. Сузились зоны относительно высокого уровня жизни.

Вместе с тем в ряде районов удалось минимизировать потери производственного потенциала и инвестиционной деятельности, создать рыночную инфраструктуру как основу адаптации к рыночной организации хозяйства и социальной сферы. Все эти изменения нашли свое отражение в типологии сельских территорий по степени первоначальной адаптации к рынку.

Типология сельских районов по характеру первоначальной адаптации к рынку. Согласно разработанной методике, в основу которой была положена оценка динамики экономических и социальных процессов на территории сельской периферии в 1990–1995 гг., была построена типология сельских районов Алтайского края по степени первоначальной адаптации к рынку [38, С.38-41]. В итоге вся совокупность сельских районов (60 районов) была разбита на четыре типа (табл. 1, рис. 2) :

- относительно адаптированные к рынку;
- проблемные сельские районы с максимальным падением эффективности сельскохозяйственного производства;
- критические районы с максимальным падением объемов сельхозпроизводства;
- депрессивные сельские районы.

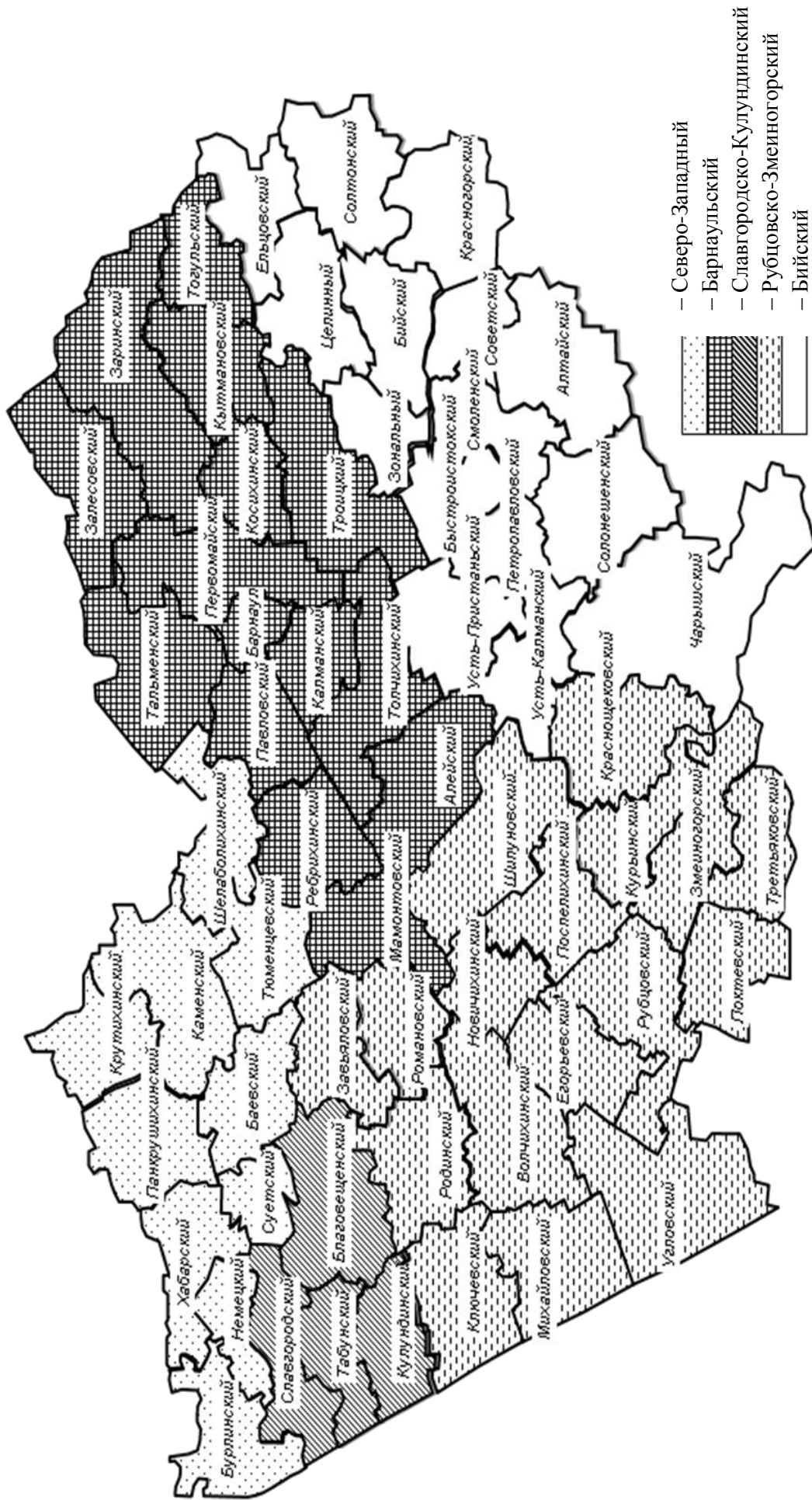

Рис. 1. Распределение сельских территорий Алтайского края по аграрным ареалам

Распределение сельских районов Алтайского края по характеру первоначальной адаптации к рынку

Типы районов по характеру первоначальной адаптации к рынку	Наименование районов	Численность населения, тыс. чел	Доля сельского населения края, %
Относительно адаптированные к рынку районы	Бийский, Первомайский, Зональный, Заринский, Советский, Волчихинский, Петропавловский, Благовещенский, Завьяловский, Мамонтовский, Михайловский, Немецкий национальный, Родинский, Романовский, Суетский, Шипуновский	374,2	29,7
Проблемные районы с максимальным падением эффективности сельскохозяйственного производства	Баевский, Кытмановский, Тогульский, Рубцовский, Третьяковский, Славгородский, Новичихинский, Поспелихинский, Угловский	255,7	20,3
Критические районы с максимальными темпами спада объемов производства и инвестиций	Павловский, Змеиногорский, Курьинский, Алейский, Смоленский, Быстроистокский, Усть-Калманский, Усть-Пристанский, Чарышский, Гопчихинский	218,0	17,3
Депрессивные сельские районы	Хабарский, Панкрушихинский, Каменский, Тюменцевский, Косихинский, Табунский, Бурлинский, Крутихинский, Шелаболихинский, Тальменский, Калманский, Залесовский, Ребрихинский, Локтевский, Краснощековский, Егорьевский, Ельцовский, Солтонский, Красногорский, Алтайский, Солонешенский, Кулундинский, Целинный, Троицкий, Ключевский	409,2	32,6

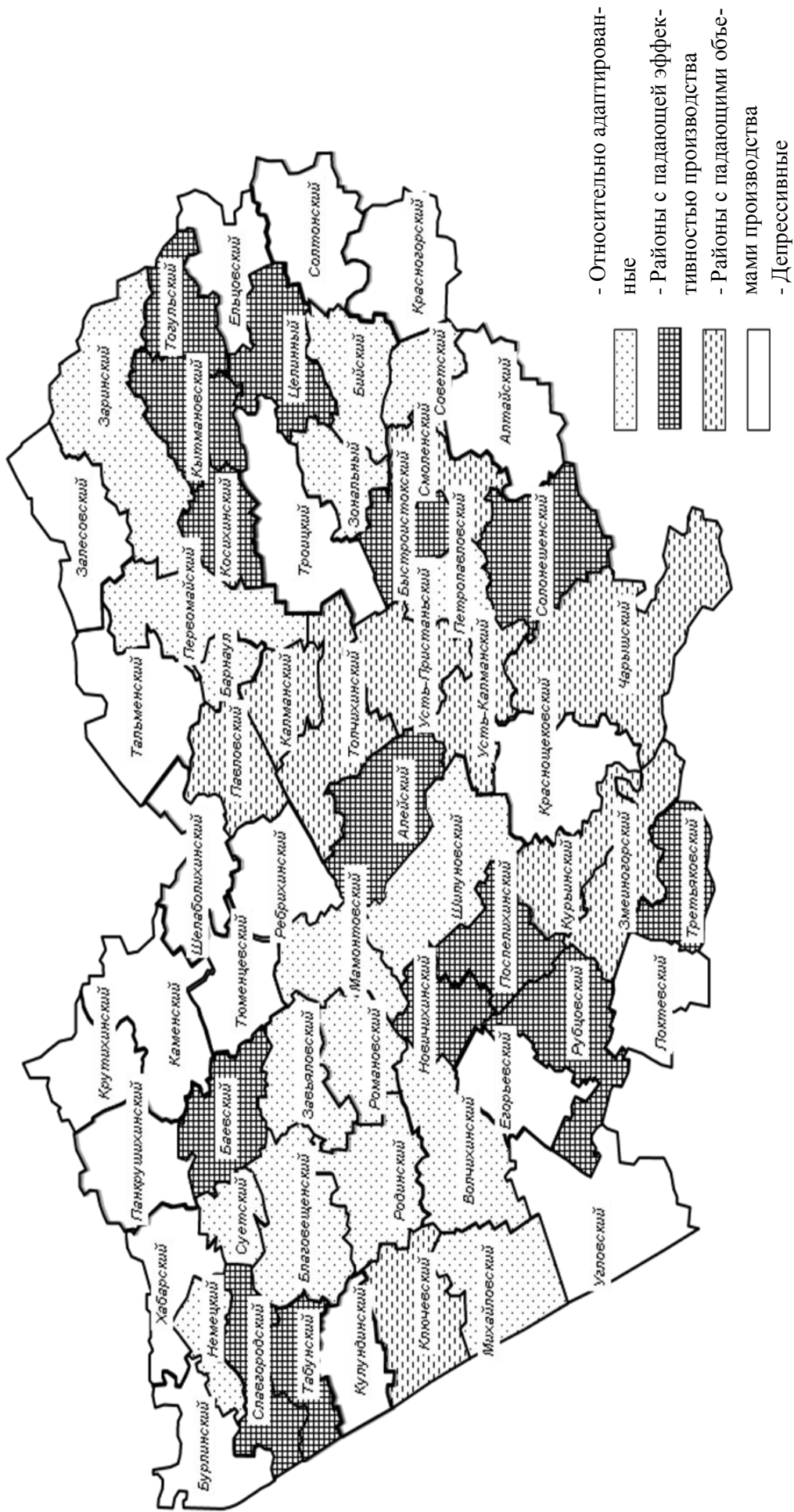

Рис. 2. Распределение сельских районов Алтайского края по степени адаптации к рынку

К числу относительно адаптированных к рынку сельских территорий относилось 16 районов, в которых проживало на начало 1995 г. 374,2 тыс. чел., или около 30% сельского населения края (табл. 1). Как правило, сельские территории, относительно адаптированные к рынку, имели агропромышленную специализацию.

Эти сельские территории выгодно отличались от других сельских территорий края по ряду следующих характеристик: наличие стартового производственного потенциала выше среднекраевых значений; минимальные темпы снижения объемов сельхозпроизводства; более высокие показатели эффективности сельхозпроизводства; более высокий по сравнению со среднекраевым уровень жизни населения, в том числе и показателями обеспеченности населения объектами социальной сферы. Все остальные районы края характеризуются нами как проблемные, однако степень остроты проблем у них разная.

К группе наименее проблемных отнесены сельские районы с максимальным падением эффективности сельского производства. В их числе: Баевский, Кытмановский, Тогульский, Рубцовский, Третьяковский, Славгородский, Новичихинский, Поспелихинский, Угловский районы.

Как видно из рисунка 2, районы с падающей эффективностью сельхозпроизводства имеются во всех проблемных ареалах, за исключением Бийского. В проблемных районах с падающей эффективностью проживало в 1995 г. 255,7 тыс. чел. или 20,3% сельского населения края. Отличительной особенностью этой группы районов является по преимуществу их аграрная специализация.

Группу критических сельских территорий составили 9 районов с численностью сельского населения 218 тыс. чел. (17,3%) (см. табл. 1). Они менее адаптированы к рынку по сравнению с двумя первыми группами. Однако по сравнению с депрессивными сельскими территориями эти районы пережили рыночные реформы с меньшими потерями.

Их отличительная особенность – средний на начало рыночных реформ стартовый сельскохозяйственный потенциал, резко уменьшившийся под воздействием радикальных рыночных реформ. В результате объемы сельхозпроиз-

водства в районах этой группы сократились на треть. Темпы падения объемов сельхозпроизводства в первой половине 90-х г. были в 2,5 раза выше аналогичных среднероссийских показателей.

Несмотря на столь серьезное сокращение производства, уровень официальной безработицы в этой подгруппе был ниже среднекраевого, что косвенно свидетельствует о наличии большой доли скрытой безработицы. Можно сказать, что при неблагоприятном стечении обстоятельств критические районы с максимальным падением объемов сельхозпроизводства – это потенциально депрессивные сельские территории с угрозой массовой безработицы. Как правило, группы критических районов территориально расположены в зонах влияния малых городов, либо непосредственно примыкают к районам, характеризующимися как относительно адаптированные к рынку (см. рис. 2).

Депрессивные районы – это наиболее проблемные, традиционно отстающие районы, имевшие в дореформенный период низкие уровни промышленного и сельскохозяйственного производства (в 1,4–3 раза ниже среднекраевого уровня), инвестиций (ниже в 2–3 раза), душевых доходов населения, с относительно низкой долей экономически активного населения и естественного прироста населения.

К депрессивным отнесены 25 районов, где в 1995 г. проживал каждый пятый житель края или каждый третий житель села [35]. Расположены депрессивные районы, как правило, на приграничных территориях Алтайского края. В 1990–1995 гг. в этих районах произошла существенная потеря промышленного и сельскохозяйственного потенциала (спад соответственно составил 60 и 28%), а инвестиционная деятельность практически отсутствовала – инвестиции снизились на 89%. Как правило, вследствие указанных причин – это районы с высоким уровнем безработицы (в 1,5 раза выше краевого).

Одним из наиболее серьезных препятствий на пути развития депрессивных районов было разрушение экономической базы систем жизнеобеспечения населения на фоне отсутствия каких-либо значимых финансовых источников развития. В результате уже в 1995 г. имел место угрожающе низкий уровень жизни

населения: соотношение душевых денежных доходов населения и прожиточного минимума было в 5 раз ниже среднероссийских показателей. Собственная доходная база местных бюджетов находилась в пределах 28–35%. Строительство жилья практически отсутствовало (за исключением Тальменского района).

Все показатели обеспеченности социально бытовой инфраструктурой были почти в 2 раза ниже, чем в районах, относительно адаптирующихся к рынку. Проблема состояла еще и в том, что не появилось потенциальных возможностей замещения бюджетных источников финансирования социальной сферы на другие (сбережения населения или средства предприятий).

Подытоживая краткий анализ первоначальной адаптации региональной сельской периферии к рынку, отметим, что большинство сельских районов, где проживало порядка более 2/3 сельского населения края, оказались в числе проблемных.

Проведенный анализ внутрирегиональных взаимосвязей, производства и рынков сбыта продукции показывает, что в середине 90-х гг. в Алтайском крае имелось 2 ареала с высоким потенциалом самостоятельного выхода из кризиса за счет диверсификации ассортимента выпускаемой продукции на существующих мощностях и переориентации на новые рынки сбыта. Это были ареалы высокой территориальной концентрации производства и рыночной инфраструктуры, потенциальные районы-лидеры, относительно быстро адаптирующиеся к изменениям рыночной конъюнктуры: Барнаульско-Заринская, Бийско-Зональные промышленные агломерации.

По уровню концентрации экономического потенциала, безусловно, первое место занимала Барнаульско-Заринская промагломерация, где было сосредоточено более 50% всех инвестиций края, 53% объемов промышленного производства, более 33% занятого населения.

В относительно более устойчивом состоянии оказались, главным образом, сельские районы, вошедшие в состав Родинско-Завьяловского аграрного ареала. Ареал занимал второе место в крае по производству валовой продукции (17%) и первое – по доходности сельского хозяйства, что нашло свое отражение в

максимальном значении доли собственных доходов в местных бюджетах среди аграрных ареалов края.

Ключевая проблема Родинско-Завьяловского ареала в первой половине 90-х гг. состояла в угрозе потери высокотоварного племенного овцеводства и зернового хозяйства вследствие неразвитости в крае оптовых рынков шерсти, продукции животноводства и зерна, а также низкого уровня инвестиций как в сельское хозяйство, так и в развитие рыночной инфраструктуры и перерабатывающих производств. Диспаритет цен на сельскохозяйственную продукцию и оборудование серьезно сдерживал формирование собственных источников инвестиций.

Особо острой была проблема занятости молодежи. В этой связи уже в то время назрела необходимость диверсификации структуры хозяйства за счет создания конкурентоспособных производств в АПК.

Остальная часть Алтайского края, как уже отмечалось, представляла собой 5 проблемных ареалов либо ярко выраженного депрессивного типа, либо критических, имеющих тенденцию стать депрессивными: Барнаульский, Бийский, Славгородско-Кулундинский, Рубцовско-Змеиногорский, Северо-Западный.

Предварительный анализ экономических и социальных факторов, обусловивших более глубокий кризис на этих территориях, позволяет высказать гипотезу о наличии взаимосвязей между спадом промышленного производства в критических районах и аграрным кризисом в близлежащих районах. Высоко и обратное влияние аграрного кризиса на состояние и развитие сферы платных услуг, социальной сферы межселенного обслуживания в городах, выполняющих роль агломерационных центров.

1.2. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЗОНЫ И ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОКРУГА

Идентификация территориальная структура экономики Алтайского края через формирование функциональных зон и территориально-производственных округов подробно проведена авторами данного пособия в совместной монографии [39]. Упомянутые выше типологии и классификации административно-территориальных единиц Алтайского края с точки зрения совершенствования регионального управления играли, главным образом, не конструктивную, - в смысле что и как надо перестроить, - а иллюстративную роль, наглядно демонстрируя и отчасти раскрывая причины сложившейся ситуации.

Для выработки активных инструментов региональной политики в практике регионального планирования уже с конца XVIII века выработан другой инструмент – экономическое районирование, целью которого является совершенствование административно-территориального устройства страны и регионального управления [9, С.70-73]. Как известно, экономическое районирование характеризуется трехступенчатой системой территориальных образований:

- макрорайонирование – выделение из общей территории крупных составных частей (экономических районов или зон);
- мезорайонирование – выделение в составе крупных экономических районов областей, краев;
- микрорайонирование – деление мезорайона (области, края) на внутриобластные (краевые) административные районы.

Заметим, что этот подход имеет в науке свои традиции. Так, в научной литературе предлагаются различные методы формирования иерархии социально-экономических районов (таксонирование уровней). Э.А. Медведкова, к примеру, выделяет следующие таксоны:

- 1) территория, подведомственная местному Совету народных депутатов (сельскому, поселковому);

- 2) объединение единиц первой ступени;
- 3) административный район;
- 4) группа административных районов;
- 5) внутриобластной социально-экономический район;
- 6) административная область [24, С. 60-72].

Функциональное зонирование территории края. Функциональное зонирование, по Э.Б. Алаеву, предполагает деление территории на отдельные части (зоны), несущие определенную функциональную нагрузку, а также осуществление взаимосвязи этих зон между собой [9, С. 47,72].

В отличие от классификаций и типологий, базирующихся на идентичности результатов диагностики уровня и динамики социально-экономического развития административно-территориальных образований края, так называемое функциональное зонирование территории основывается на результатах анализа степени концентрации, а также специализации хозяйственной деятельности населения, обусловленных, прежде всего, различиями в природно - климатических условиях региона.

Согласно действующему законодательству возможны три основных направления зонирования территорий:

- зонирование территорий для осуществления градостроительной деятельности;
- зонирование территорий поселений;
- зонирование отдельных территориальных зон.

Заметим, что зонирование как один из наиболее широко распространенных, - наряду с районированием, - методов систематизации в целях членения изучаемой территории на равнозначные или иерархически соподчиненные территориальные ячейки – таксоны пришел в региональную экономику из географии. Последняя трактует зонирование как процесс, в ходе которого идентифицируются участки территории с различной интенсивностью какого-либо явления; соответственно, зона – территория, в пределах которой наблюдается однозначность показателей, характеризующих это явление. Э.Б. Алаев в качестве

родового понятия и термина для всех видов членения территории предложил использовать термин «таксономизация», включающий в себя процессы районирования, зонирования и выделения ареалов. Однако, как правило, таксономизацию в нашей регионоведческой литературе называли и продолжают называть чаще всего районированием.

Большая протяженность территории края с севера на юг и с запада на восток, наличие семи природно-климатических зон, имеющих широтно-меридианное направление, неравномерный характер рельефа, переходящий от заболоченных низменностей до предгорий и гор предопределяют неравномерный характер освоения территории, высокую степень пространственной концентрации хозяйственной деятельности и существенные диспропорции в территориальном развитии края. Вместе с тем, несмотря на широкое разнообразие природно-климатических условий Алтайского края, функциональное зонирование выявило достаточно высокую степень однородности территории, обусловленную агропромышленной специализацией края в территориальном разделении труда. В частности, на территории края было выделено пять зон (рис. 3). Функциональное зонирование проводилось с использованием логико - картографического и сравнительного методов. Границы зон определены с достаточной степенью условности, так как за основу принято административно – территориальное деление края.

Центральная (Столичная) зона своим ядром имеет город Барнаул с пригородными территориями и городом Новоалтайском, входящим в агломерационный ареал краевой столицы. Зона является, прежде всего, ведущим индустриальным районом края с ярко выраженными столичными функциями своего ядра. В перспективе функции данной территории будут сохраняться и развиваться в направлении укрепления агломерационных связей и расширения зоны влияния краевой столицы.

Бийская (Инновационная) зона является единственной локальной зоной, находящейся в пределах одного города. Это обусловлено спецификой экономики Бийска как индустриального инновационно ориентированного центра.

В перспективе с учетом реализации городом функций наукограда, а также в связи с развитием федеральных особых экономических зон, Бийск будет интегрироваться в Южную (Рекреационную) зону на правах организационного центра с расширением своих функций до инновационного, транспортно-логистического и туристического центра.

Южная (Рекреационная) зона выделяется с учетом разнообразия ландшафта и приоритетного использования природных ресурсов края. Это, прежде всего, комплексная рекреационная зона с набором разнообразных туристических, санаторно-курортных и иных рекреационных функций. С учетом развития особых экономических зон федерального значения и краевых приоритетов развития туризма данная зона в перспективе будет укреплять свои функции за счет более эффективного использования имеющихся ресурсов.

Восточная (Угольно-Лесная) зона при наличии агропромышленного производства имеет, вместе с тем, ярко выраженную функциональную специализацию, диктуемую природными ресурсами, с одной стороны, и наличием крупного индустриального центра с монопрофильной экономикой, с другой. Эти факторы определили специализацию зоны на коксохимическом производстве (с локальным центром в Заринске), лесной и деревоперерабатывающей промышленности, добыче полезных ископаемых (в том числе уголь Мунайского разреза).

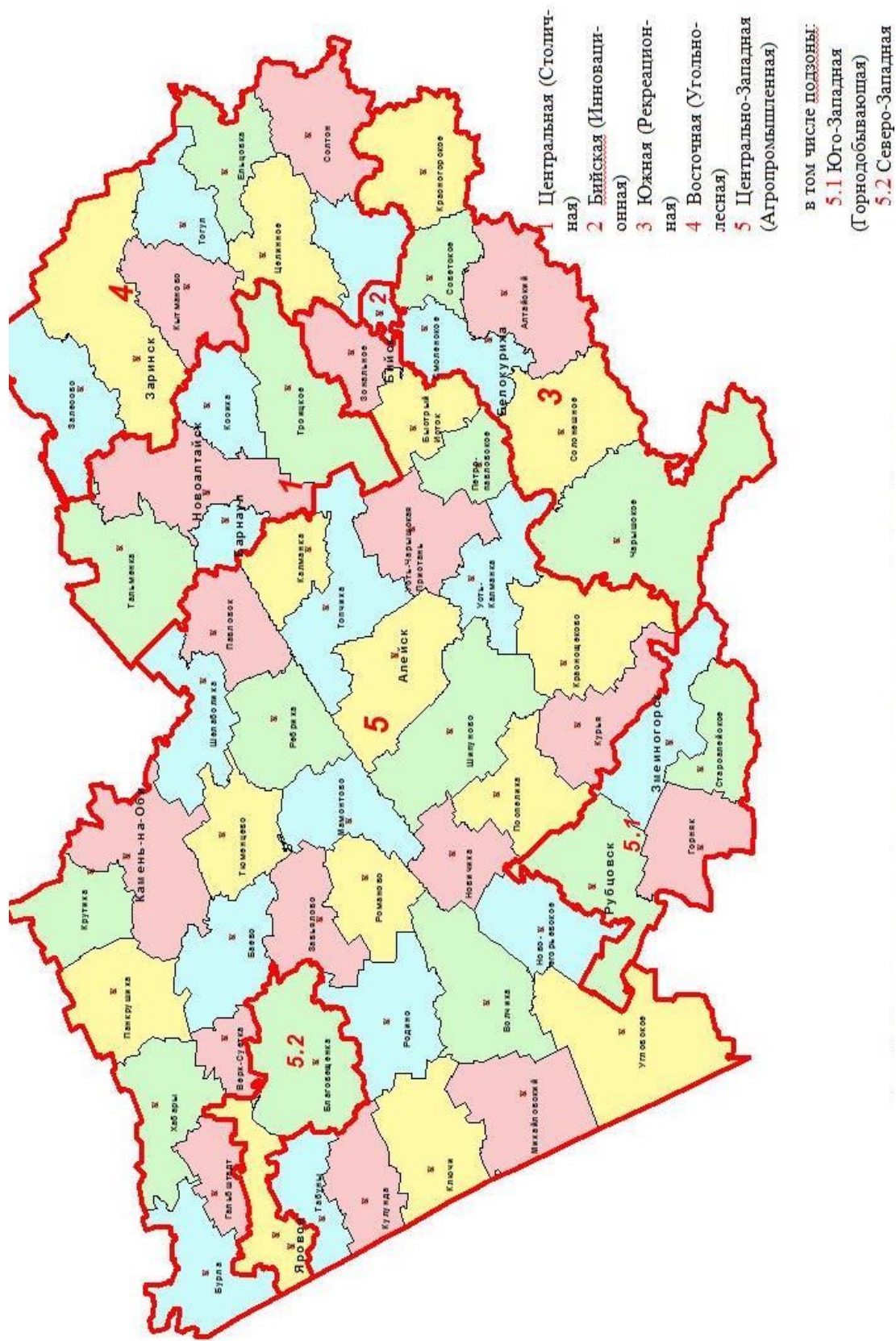

Рис. 3. Функциональное зонирование территории Алтайского края

В перспективе для данной зоны с наибольшей долей вероятности можно прогнозировать сохранение и развитие имеющихся функций и укрепление связей с Барнаульской агломерацией.

Центрально-Западная (Агропромышленная) зона занимает более половины территории края и, несмотря на разные природно-климатические условия, имеет преимущественно однородную специализацию на производстве и переработке сельхозпродукции. Зона имеет четыре равноудаленных крупных центра переработки сельхозпродукции – города Алейск, Рубцовск, Камень-на-Оби, Славгород, что свидетельствует о рациональной территориальной организации хозяйства. Внутри зоны на основании имеющихся функций выделены две подзоны: Юго-западная (Горнодобывающая) и Северо-западная.

Юго-западная (Горнодобывающая) подзона, или Рубцовско-Змеиногорская, характеризуется, наряду с агропромышленной специализацией, добычей и обогащением полиметаллических руд, а также производством строительных материалов. Данная подзона в перспективе при наличии определенных условий (прежде всего соответствующей государственной промышленной политики) может интенсивно развиваться как центр горнодобывающей промышленности.

Северо-западная подзона (Славгородская), не имеет однородной специализации, но при этом обладает функциями, отличными от всей зоны. Так, наряду с агропромышленным производством, для города Славгорода характерно машиностроение и добыча соли, как и для Благовещенского района. Кроме того, в г. Яровое отмечаются две взаимоисключающих функции - химическое производство и санаторно-курортное лечение на базе биологических ресурсов уникального озера Большое Яровое. В перспективе будет сохраняться функциональная специализация Славгородской части подзоны. Что касается Ярового, то, по всей вероятности, будет происходить сворачивание химического производства и развитие курортно-бальнеологической функции.

Функциональные зоны края, согласно изложенной выше методике, положены в основу выделения территориально-производственных округов края, характеристика которых будет дана ниже.

Территориально-производственные округа края: краткая характеристика и перспективы развития. Территория края, исходя из современного социально-экономического состояния муниципальных образований, их комплексных программ социально-экономического развития, уровня развития дорожной и транспортной инфраструктуры подразделена на 5 условных территориально-производственных округов: Центральный, Столичный, Западный, Южный и Юго-Восточный (рис. 4).

Безусловной доминантой в предложенной схеме пространственного зонирования территории является Столичный региональный округ, на долю которого приходятся самые высокие показатели плотности населения, объемов промышленного производства, основных показателей развития сферы потребительского рынка, денежных доходов граждан. Подтверждением достаточно высоких показателей привлекательности округа являются уровень занятости и миграционный приток населения.

Все территориальные округа в качестве опорных центров также имеют в своем составе городские округа, что создает предпосылки создания управленческих, медицинских, образовательных центров притяжения и пространственной стяжки.

Столичный округ включает в себя 18 муниципальных районов и городских округов, общая площадь зоны составляет 42,5 тыс. кв. км. На данной территории проживает 1117,9 тыс. человек. Географически через округ проходят две федеральные автомагистрали, которые в совокупности с региональными дорогами обеспечивают выход в соседние Новосибирскую и Кемеровскую область, а также по направлению на Бийск и Республику Алтай, на Рубцовск и Республику Казахстан.

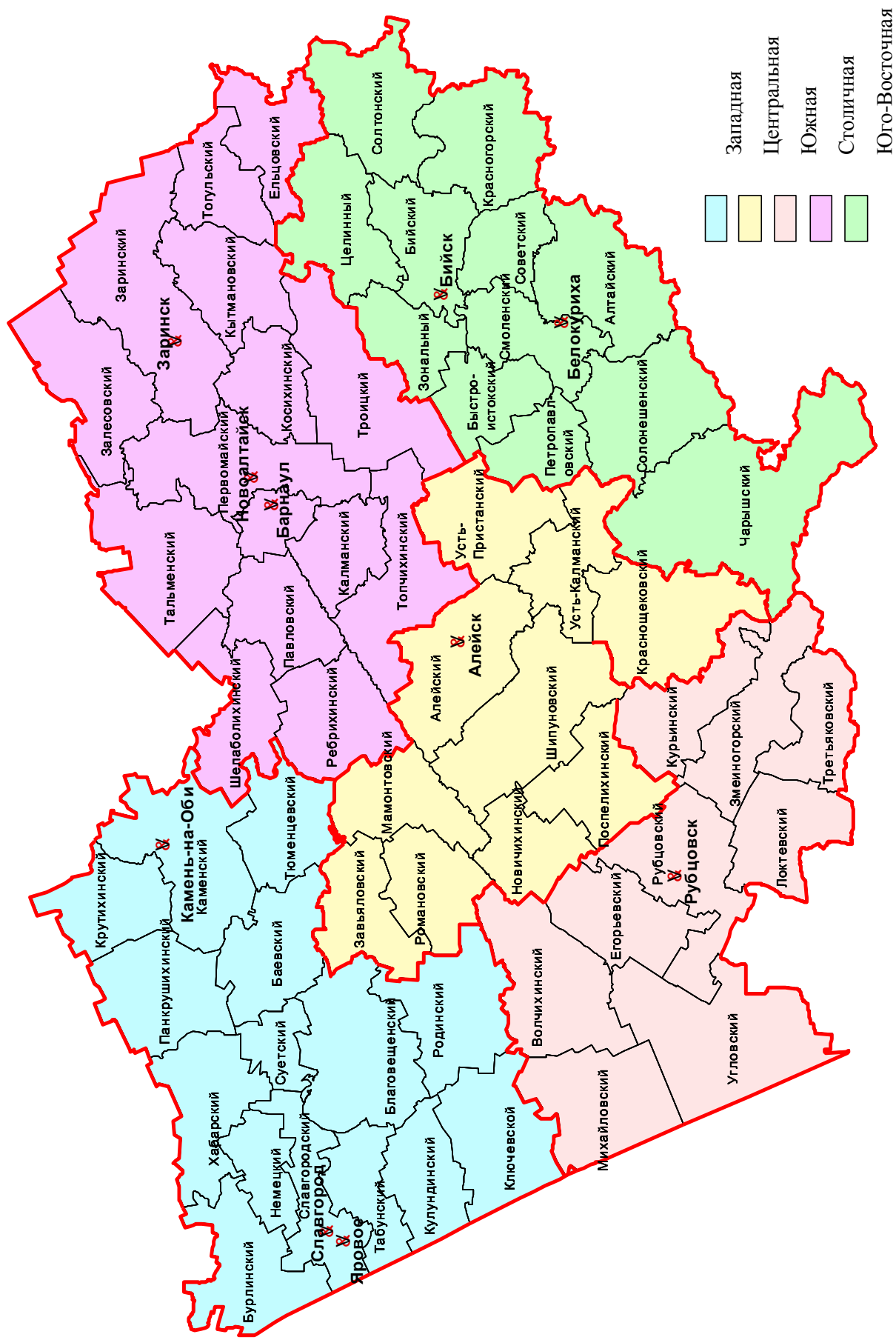

Рис. 4. Территориально-производственные округа Алтайского края

Столичный округ – административный, финансовый, образовательный, медицинский и культурный центр края. Кроме того, в округе сосредоточен мощный индустриальный потенциал: объем производства отгруженной продукции на душу населения в два раза выше среднего по краю – на территории округа расположены крупнейшие предприятия края – АО «Алтай-кокс», АО «Алтайвагон» и целый ряд других. Районы, входящие в состав зоны, имеют выраженную индустриально-аграрную направленность. В частности, в округе локализованы крупнейшие лесоперерабатывающие предприятия (Тальменский район), крупнейший производитель сахара (Павловский район), один из крупнейших зернопереработчиков (Ребрихинский район).

По основным показателям развития потребительского рынка – объему розничного товарооборота, платных услуг и общественного питания на душу населения муниципальные образования округа значительно превосходят краевые показатели.

Доля территорий округа в оказании транспортных и медицинских услуг составляет больше 75%, образовательных – около 70% от общекраевых показателей. Перспективы развития данной группы территорий лежат в области повышения эффективности внутриокружного взаимодействия. Инфраструктурно и пространственно многие населенные пункты будут реципиентами процессов роста спроса на пригородное домостроение с постепенным (в среднесрочной перспективе) оформлением в полноценную Барнаульскую агломерацию. Уже сейчас для территорий вокруг Барнаула характерен высокий уровень ежедневной маятниковой миграции. Подтверждением указанных тенденций является реализация проекта комплексной пригородной застройки «Фирсова Слобода» – Генеральным планом Санниковского сельского совета Первомайского района, согласно которому осуществлен перевод около 1200 га из земель сельскохозяйственного назначения в земли населенных пунктов. Этот документ определяет участки первоочередной комплексной застройки площадью более 200 га, обеспеченные инженерной инфраструктурой. Для массового решения этой задачи необходима выбор и инженерная подготовка районов массовой жилищной за-

стройки, комплексных участков пригородного домостроения. В частности, значительный потенциал для застройки наличия неиспользуемых земель, в том числе сельскохозяйственного назначения в границах городского округа г. Барнаула на правом берегу Оби, которые возможно в короткий срок перевести в земли населенных пунктов и предоставить для комплексной малоэтажной застройки.

В долгосрочной перспективе округ будет являться центром предоставления качественной специализированной медицинской помощи, услуг образования. Значительный резерв дальнейшего роста Столичного округа лежит в повышении эффективности и росте объемов оказания платных услуг.

Большие возможности для входящих в состав округа районов лежат в организации современной индустрии рекреации для индивидуального и корпоративного отдыха жителей округа с развитием спортивных, культурных объектов и мероприятий.

В тоже время необходимо более эффективно использовать значительный потенциал развития индустриальной составляющей округа. При проработке вопросов обеспечения земельной и инженерной инфраструктуры территории округа наиболее перспективны для создания особых экономических зон промышленно-производственного типа города Новоалтайск, Барнаул, прилегающие районы.

Несомненным плюсом организации промышленно-производственных зон в данных территориях являются наличие квалифицированных кадров, развитой системы их подготовки и профобучения, возможности локализации отдельных производств крупных предприятий (города Барнаула, Новоалтайска) на территории особой зоны, развитая инфраструктура и близкое географическое месторасположение. Кроме того, перспективным направлением развития является организация на территории зоны сборочных цехов и производств по обслуживанию городского хозяйства (лифты, троллейбусы и т.д.) и стройиндустрии.

Учитывая высокую степень развития малого предпринимательства на территории данного округа, есть широкие возможности создания технопарков.

Восточные районы округа (Восточная зона с центром в Заринске), в настоящее время испытывающие экономическое тяготение к прилегающим территориям Кемеровской области, в результате скоординированной региональной и муниципальной политики должны расширить свое присутствие на рынке Кемеровской области (производство продуктов питания, туризм – Залесовский, Заринский, Ельцовский районы).

Одними из условий реализации высокого транспортного, индустриального потенциала округа является строительство автомобильного обхода города Барнаула, соединяющего 2 федеральные автомобильные трассы от автомобильной дороги М-52 «Чуйский тракт» от Новосибирска через Бийск до границы с Монголией до А-349 Барнаул–Рубцовск до границы с Республикой Казахстан (на Семипалатинск), а также реконструкции Барнаульского аэропорта.

Центральный округ включает в себя 11 территорий; округ занимает 237,7 тыс. кв. км и характеризуется крайне низкой плотностью населения, заметно уступающей среднекраевым значениям. Специализация округа – производство сельскохозяйственной продукции и переработка сельскохозяйственного сырья. По подушевому производству валовой продукции сельского хозяйства занимает первое место среди округов края, в особенности ощутима специализация хозяйств округа в производстве зерновых культур. Уровень рентабельности сельскохозяйственного производства в целом выше, чем среднекраевой. В городе Алейске находится крупнейший зернопереработчик Алтая – АО «Алейскзернопродукт».

Через территорию округа проходят автодороги, на Южный, Западный округ и ряд районов Юго-Восточного Округа.

Центром округа является малый город края – Алейск (население чуть менее 30 тыс. человек). По своим размерам, современному состоянию город оказывает несущественное влияние на социально-экономическое развитие округа.

Районы округа обладают значительным курортно-рекреационным потенциалом, который в настоящее время используется недостаточно эффективно; для округа характерен высокий уровень сезонности в предоставлении услуг.

Дальнейшее развитие сектора связано с развитием транспортной инфраструктуры, инфраструктуры приема гостей и т.д. Кроме того, динамичное развитие курортного потенциала сдерживается слабым уровнем исследования курортного потенциала (за исключением Завьяловского района).

Районы округа в перспективе останутся крупнейшими производителями сельскохозяйственной продукции – зерновых и молока. При повышении комфортности и качества придорожного сервиса районы округа могут существенно увеличить поступления от использования их транзитного потенциала.

Кроме того, нужны целенаправленные мероприятия региональных властей по динамичному развитию инфраструктуры (прежде всего социальной) города Алейска для формирования центра зонального районного притяжения.

Юго-Восточный округ представлен 14 муниципальными районами и городскими округами. Территория округа простирается на 34 тыс. кв. км, плотность населения – 13,6 человек на кв. км. По территории округа проходит федеральная автомобильная трасса с выходом на Республику Алтай и дальше на Монголию.

Округ занимает второе место по объемам промышленного производства, в составе округа есть крупный промышленный центр – город Бийск. В городе заключен значительный инновационный потенциал – в 2005 году город получил звание наукограда Российской Федерации. Продукцию с высокой степенью инновационной составляющей выпускают АО «Алтай-витамины», АО «Эвалар», ФНПЦ «Алтай» и целый ряд других организаций. В 2007 году был выигран конкурс на размещение бизнес-инкубатора инновационного типа в Бийске. Помимо этого высокий потенциал по производству преимущественно пищевых продуктов демонстрируют организации Зонального, Целинного, Советского районов. На территории округа находится разрабатываемое в настоящее время Солтонское месторождение бурого угля.

Наличие значительного природно-ресурсного потенциала обусловило развитие курортно-рекреационного и туристического комплекса, а также осуществление производства уникальной сельскохозяйственной продукции.

На территории округа находятся город-курорт федерального значения Белокуриха, особая экономическая зона курортно-рекреационного типа «Бирюзовая Катунь». В целом развитие индустрии санаторно-курортного обслуживания обуславливает высокую долю Юго-Восточного округа (более 60%) в общем объеме санаторно-курортных услуг края.

Округ газифицируется, что создает предпосылки снижения экологического воздействия на его территорию, в рамках строительства игровой зоны планируется реконструкция аэропортового хозяйства, строительство новых дорог и объектов дорожной инфраструктуры, что позволит увеличить объемы поступлений от розничного товарооборота, платных услуг и общественного питания.

Динамичное развитие туристического, лечебного комплекса округа увеличит спрос на качественную, экологически чистую традиционную и уникальную сельскохозяйственную продукцию и пищевые продукты, что окажет дополнительное воздействие на его социально-экономическое развитие.

Учитывая значительно возросшую нагрузку на транспортную инфраструктуру округа необходимо увеличение объемов дорожных работ, а также строительство обхода города Бийска на дороге М-52 (Чуйский тракт).

Южный округ представлен 11 муниципальными районами и городскими округами, население округа составляет 345,1 тыс. человек, территория – 27 тыс. кв. км. 5 районов округа граничат с Республикой Казахстан.

Центром притяжения округа является город Рубцовск – третий по величине в Алтайском крае. Город является центром сельскохозяйственного машиностроения и переработки сельскохозяйственной продукции. На территории города находятся крупнейший переработчик молока – АО «Вимм-Билль-Данн», и один из крупнейших зернопереработчиков – АО «Мельник».

Развитие территорий округа осуществляется в нескольких направлениях:

– разработка богатой минерально-сырьевой базы округа. На территории округа находятся запасы полиметаллических руд, золота, нерудных строительных материалов, извести, цементного сырья и т.д. В 2006–2007 годах на территории округа запущены два рудника по добыче полиметаллических руд и

горно-обогатительные фабрики, будет осуществляться разработка Новофирсовского золоторудного месторождения, планируется строительство цементного завода.

– наращивание объемов переработки древесины. На территорию округа приходится свыше 30% объемов заготавливаемой древесины края. Учитывая ограничения по заготовке древесины, существующие в Казахстане, все это создает хорошие предпосылки создания полноценного лесоперерабатывающего кластера, нацеленного как на переработку местной, так и привозной древесины. Целью создания данного кластера должно являться повышение уровня добавленной стоимости в переработке древесины и продажа готовых изделий (дверей, окон, древесноволокнистых плит, фанеры, срубов и т.д.);

– освоения туристического потенциала округа. Богатые возможности лежат в организации историко-культурного, познавательного туризма и рекреации (Курьинский, Змеиногорский, Егорьевский районы и город Змеиногорск) регионального, федерального и международного значения;

– увеличения объемов приграничной торговли, создание Международного приграничного транспортно-логистического центра (зоны приграничной торговли);

– создания агропромышленного кластера (инновационной агропромышленной зоны). Наличие предприятий по производству сельскохозяйственных машин и орудий, эффективные переработчики сельхозсырья создают предпосылки формирования полноценного сельхозкластера.

Западный округ. При общей территории округа – 37,3 тыс. кв. км, его население составляет 359,9 тыс. человек или 9,7 человек на кв.км, что составляет примерно 65% от среднекраевого значения.

На территории округа находятся три средних города – Камень-на-Оби, Славгород и Яровое (при этом Славгород и Яровое географически граничат друг с другом) и 15 муниципальных районов.

По объемам производства промышленной продукции на душу населения Западный округ занимает последнее место среди округов края. На территории

округа находятся химические производства, производится машиностроительная продукция и продукты питания. Наибольшие объемы промышленного производства приходятся на Благовещенский район.

В целом наблюдаются значительные различия в уровне социально-экономического развития территорий округа. Для округа в целом характерен высокий уровень официально зарегистрированной безработицы, который более чем в 2 раза превышает средний по краю. В данном округе есть территории с относительно низким уровнем социально-экономического развития (Бурлинский, Славгородский, Суетский районы).

В целом перспективы развития территорий округа связаны с диверсификацией структуры экономики, при этом потенциально привлекательными направлениями развития являются:

- развитие приграничного (Республика Казахстан) и межрегионального сотрудничества (с Новосибирской областью);

- реализация курортно-рекреационного потенциала территорий, в том числе с использованием ресурсов озер Малое и Большое Яровое

- реализация туристского потенциала Бурлинской системы озер (тематический туризм – рыболовные, пешие, конные маршруты);

- реализация трудового потенциала округа (наличие квалифицированной трудовой силы) через программы профориентации и профессиональной подготовки граждан.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К РАЗДЕЛУ 1

1. Как вы понимаете словосочетание «пространственное развитие региона»? Согласны ли вы с утверждением, что в пространственном развитии Алтайского края существуют диспропорции? Кратко охарактеризуйте их.
2. Дайте определение понятиям «агломерация», «промышленный узел», «транспортный узел». Расскажите про крупнейшие российские агломерации.
3. Дайте определение понятию «экономическое районирование». Охарактеризуйте трехступенчатую систему экономического районирования.
4. Объясните цель зонирования территории. Изучите способы зонирования территории в соответствии с определениями Э.Б. Алаева. На чем основывается функциональное зонирование?
5. К какому типу регионов можно отнести Алтайский край? Обоснуйте свой ответ.
6. Как вы понимаете словосочетание «диверсифицированная структура промышленности»? Следует ли усиливать диверсификацию с целью развития территории? Обоснуйте свой ответ на примере Алтайского края.
7. Опишите четыре типа сельских районов края по характеру первоначальной адаптации к рынку. Выберите любой район и определите его место в одной из четырех групп на настоящий момент времени.
8. С какими трудностями сталкиваются ученые при зонировании территории Алтайского края?
9. Опишите функциональные зоны Алтайского края.
10. Дайте сравнительную характеристику Столичному и Центральному территориально-производственным округам Алтайского края.
11. Расскажите про особенности округов Алтайского края. С какой целью они были сформированы и выполняют ли они, на ваш взгляд, свои функции в настоящее время?

Раздел 2. ДИСБАЛАНСЫ В СОВРЕМЕННОМ РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ДОЛГОСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ

2.1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЗОН АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ ЧЕРТЫ, РИСКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Пространственные аспекты разработки Стратегии развития Алтайского края, как отмечалось ранее, предполагает её конкретизацию применительно к четырем территориальным зонам – Северо-Восточной, Юго-Восточной, Южной и Северо-Западной (рис. 5). Тем самым, указанные территории выступают в качестве ключевых элементов пространственной организации края, обладающих определенным потенциалом для ускоренного развития.

2.1.1. СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ЗОНА. Характеризуемая зона занимает особое место в социально-экономической жизни края. Площадь территории зоны составляет свыше 40 тыс. км² или 29% общей площади края.

На территории зоны проживает каждый второй житель края, что обуславливает существенно большую по сравнению с другими зонами края плотность населения (24,3 чел./км²).

В Северо-Восточной зоне имеются все предпосылки для ее ускоренного (по сравнению с другими зонами) развития, концентрации человеческого потенциала и экономической активности.

Зона характеризуется:

- выгодным геоэкономическим положением, определяемым близостью к промышленным и научным центрам Западной и Восточной Сибири;

- наличием транспортных коммуникаций федерального значения, обуславливающим прохождение по территории зоны основной части туристского потока, в т.ч. международного;

- наличием учреждений высшего образования различного профиля, объектов инновационной инфраструктуры.

Однако основным конкурентным преимуществом Северо-Восточной зоны является формирующаяся Барнаульская агломерация с диверсифицированной отраслевой структурой экономики, развитым сектором обрабатывающих производств с транспортно-логистическими и торгово-дистрибьютерскими функциями.

Отличительной особенностью зоны является сравнительно благополучная демографическая ситуация, характеризующаяся отсутствием депопуляции населения. Несмотря на сохраняющееся отрицательное значение коэффициента естественного прироста населения, наметилась тенденция его роста. Сказанное, впрочем, не исключает наличия общих для края демографических проблем, в частности, старения населения.

Демографическое (и не только) благополучие территории, как отмечалось ранее, во многом детерминировано центральным экономическо-географическим положением зоны (см. рис. 5) с соответствующей ему системой расселения.

На территории зоны расположены 4 города и 16 сельских административных районов. «Лицо» системы расселения определяет формирующаяся Барнаульская агломерация. Муниципальные образования – сельские районы, входящие в состав Барнаульской агломерации либо пригородные, характеризуются более высоким (по сравнению с сельской глубинкой) уровнем развития [38, С. 83-94]. На долю Северо-Восточной зоны приходится 62% промышленного производства края.

Промышленность, дислоцированная в зоне, диверсифицирована и представлена различными базовыми отраслями и подотраслями. Важнейшие из них: производство кокса, железнодорожного подвижного состава, изделий из пласт-

масс, резинотехнических и асбестотехнических изделий, пищевой продукции, электронного и оптического оборудования, строительного кирпича, металлургическое производство и продукция лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Перспективы развития промышленности сдерживаются рядом общекраевых проблем, важнейшими из которых являются неполная загрузка производственных мощностей, высокая изношенность основных фондов в обрабатывающих производствах и энергетике, территориальная удаленность европейских рынков сбыта и др. Внешние риски и угрозы развитию промышленности в Северо-Восточной зоне обусловлены зависимостью ее экономики от конъюнктуры рынков и цен на сырье и продукцию, а также технологическим отставанием, усиливающимся в результате возможности удорожания импортируемых оборудования и технологий.

Заметна роль Северо-Восточной зоны в производстве сельхозпродукции: на долю зоны приходится треть ее краевого производства (зерновых и зернобобовых – 31%; гречихи – 34%, картофеля – 40%, овощей открытого грунта – 43%). По ряду сельскохозяйственных культур вклад зоны существенно выше – сахарной свеклы – 96%, льноволокна – 70%, яиц – 64%.

В животноводстве аграрный сектор зоны специализируется на свиноводстве, птицеводстве, мясном и, в меньшей мере, молочной скотоводстве (доля производства молока в краевом объеме составляет 27%). Получили также развитие в зоне коневодство, пчеловодство, рыбное хозяйство.

Значительные площади сельскохозяйственных угодий вкупе с относительно благополучным природно-климатическими условиями являются предпосылкой дальнейшего развития аграрного сектора зоны.

Внешние риски для развития сельхозпроизводства как в целом по краю, так и на рассматриваемой территории, связаны с тем, что край отнесен к зоне неустойчивого земледелия.

Объем душевых инвестиций в рассматриваемой зоне сравнительно высокий: 61,4% от всех инвестиций региона при 50% проживающих в зоне жителей

края. Сложившаяся ситуация отчасти объясняется концентрацией в зоне промышленного производства.

Внешние риски в этой области аналогичны для всех зон края и связаны со снижением доступности финансовых средств, необходимых хозяйствующим субъектам для обеспечения и активизации инвестиционного процесса.

Подытоживая краткий анализ развития Северо-Восточной зоны, отметим относительно более высокие (по отношению к другим зонам края) перспективы ее опережающего роста.

Однако на этом пути существуют серьезные препоны в виде внутренних рисков и угроз [6]. Достаточно беглого взгляда на перечень внутренних рисков и угроз развитию зоны, чтобы понять их во многом общекраевой характер. Главные среди них, нашедшие отражение в Стратегии развития зоны:

- недостаточные темпы технологической модернизации промышленного и аграрного производств;
- наличие инфраструктурных ограничений;
- низкие показатели инвестиционной активности и темпы диверсификации экономики моногородов;
- неполная загрузка производственных мощностей;
- ограниченные финансовые возможности региональных инвесторов для реализации крупных инвестиционных проектов;
- высокая транспортная составляющая в конечной цене реализации на европейских рынках сбыта;
- высокая изношенность основных фондов в промышленном производстве, ЖКХ;
- территориальная диспропорция в темпах промышленного и сельскохозяйственного производства, средней заработной платы, инвестиционной активности;
- отставание темпов роста сельскохозяйственного производства в отдаленных от краевого центра территориях.

Будущее зоны во многом связано с перспективами развития Барнаульской агломерации, использованием имеющегося потенциала импортозамещения, ро-

ста мирового спроса на продовольствие, значительного научного потенциала ВУЗов, академической науки и НИИ; повышения инвестиционной привлекательности территории зоны за счет снижения инфраструктурных ограничений и т.д. Правомерно, на наш взгляд, отнести указанные перспективы развития ко всем без исключения зонам края.

2.1.2. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЗОНА. Вторая по величине и степени освоенности территориальная зона, занимающая 17,5% общей площади региона. Численность жителей – 420,8 тыс. чел. (17,7% населения региона), плотность населения – 14,3 чел/км². На территории зоны расположены 2 города (Бийск и Белокуриха) и 12 сельских районов (см. рис. 5).

Конкурентные преимущества зоны связаны с ее благоприятным геоэкономическим положением, обусловленным близостью к развитым регионам Казахстана, а также специализацией входящих в состав зоны городов: г. Бийска – второго по величине города края – наукограда, обеспечивающего высокий уровень прикладной науки; г. Белокурихи – всероссийской здравницы, краевого центра оздоровительного туризма.

Высокий потенциал земельных, водных минеральных и рекреационных ресурсов позволил хозяйствующим субъектам Юго-Восточной зоны удержать устойчивые позиции на ряде продуктовых рынков России, сохранить лидирующие позиции на российском биофармацевтическом рынке, сформировать заметный туристический сектор.

Демографическая ситуация в зоне, можно сказать, типовая: коэффициент смертности превышает коэффициент рождаемости (депопуляция населения). При этом естественная убыль населения выше общекраевой; высокий миграционный отток имеет тенденцию к снижению. Общее сокращение численности населения зоны происходит на фоне роста демографической нагрузки и сохранения диспропорций в ее половозрастной структуре.

Структура экономики может быть охарактеризована как несбалансированная, со значительной долей низкорентабельных отраслей промышленности. Наряду с этим получили развитие ряд инновационных производств (кластеров) в г. Бийске, характеризующихся высокой производительностью труда. Базовы-

ми отраслями промышленности являются химическая, пищевая и деревообрабатывающая. Развитию промышленности в зоне присущи большие территориальные диспропорции: 3/4 промышленного производства обеспечивается предприятиями г. Бийска.

Доля производства сельхозпродукции в краевом выпуске составляет 22%, несколько больше, чем в Южной и Северо-Западной зонах. Доля производства зерновых культур в краевом объеме одна из самых низких -18%, а гречихи – одна из самых высоких - 50%. Заметен вклад аграриев зоны в производство овса (более 30%) и льна-долгунца (30%). В зоне развито животноводство (выращивание КРС), а также свиноводство, овцеводство, козоводство, коневодство, пчеловодство.

Отличительной особенностью зоны является большая доля выпуска сельхозпродукции организациями. Доля фермеров в производстве сельхозпродукции по сравнению с другими зонами невелика, но имеет тенденцию к росту.

Инвестиционный климат в Юго-Восточной зоне может быть оценен как относительно благоприятный: душевой объем инвестиций превышает среднекраевой показатель на 20%. Доля зоны в общем объеме капитальных вложений края 13%, при этом на зону приходится 16% общекраевого выпуска товаров и услуг.

Благоприятный инвестиционный климат в зоне обеспечивается в том числе за счет инвестиций в рекреационную сферу, следствием чего является рост инвестиционной активности. В этом - специфика инвестиционного климата зоны. Напротив, также, как и в других территориальных зонах края, здесь имеет место высокая дифференциация муниципальных образований зоны по объему инвестиций на душу населения.

В числе внутренних рисков и угроз социально-экономическому развитию Юго-Восточной зоны авторы Стратегии выделяют следующие:

- тенденция снижения численности трудоспособного населения;
- диспропорции на рынке труда;
- низкая эффективность социально и инженерной инфраструктуры;

- недиверсифицированность рынка туристических услуг и проблемы транспортной доступности;
- наличие дифференциации в развитии потребительского рынка на территории зоны;
- недостаточная диверсифицированность экономики;
- неоптимальная организационно-производственная структура агропромышленного комплекса;
- проблемы развития энергетики;
- высокая дифференциация муниципальных образований по уровню эффективности экономики [7].

Внешние риски и угрозы развитию зоны также не отличаются оригинальностью. Среди них недостаточная доступность заемных ресурсов, нестабильность цен на сельскохозяйственную продукцию и конкуренция со стороны других регионов России.

Потенциальные возможности развития аграрного сектора зоны связаны с участием дислоцированных на ее территории предприятий в импортозамещении, развитии скотоводства, выращивании овощей в закрытом грунте и возведении современных складов для их хранения.

2.1.3. СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ЗОНА. Северо-Западная зона занимает достаточно большую площадь, составляющую 26,2% общей площади региона, и опережает по этому показателю Юго-Восточную зону. Вместе с тем, Северо-Западная зона – одна из наименее заселенных. В зоне проживает около 361 тыс. чел. (15,1% населения).

Самая низкая плотность населения зоны (8,1 чел./км²) объясняется отсутствием на ее территории больших и крупных городов. В зоне имеются три малых города (Камень-на-Оби, Славгород, Яровое) и 15 сельских административных районов (см. рис. 5).

Конкурентные преимущества зоны обусловлены наличием развитой автомобильной сети, железнодорожных и водных путей сообщения. Важнейшие транспортные магистрали, проходящие по территории зоны, вкпе с близостью к крупным рынкам сбыта сельхозпродукции и значительными мощностями по

переработке сельхозпродукции обеспечивают перспективу развития аграрного сектора зоны. Нельзя не отметить при этом усиливающуюся конкуренцию за рынки сбыта сельхозпродукции со стороны Казахстана.

Кроме того, в зоне сосредоточен значительный рекреационный и оздоровительный потенциал.

Демографическая сфера Северо-Западной зоны характеризуется как проблемная (депопуляция населения, тенденция его старения).

В малых городах зоны расположены предприятия пищевой, перерабатывающей, деревообрабатывающей, химической промышленности, стройиндустрии. Промышленность в целом характеризуется невысоким уровнем и масштабами развития. На долю зоны приходится 6,9% промышленного производства края. Промышленные предприятия маломощные, характеризующиеся слабой инвестиционной активностью и привлекательностью, существенным износом основных средств.

Зона имеет четко выраженную аграрную направленность экономики. Площадь сельскохозяйственных угодий свыше трети всех угодий края (35,1%), доля производства сельхозпродукции в краевом выпуске – 21,1%.

Животноводство представлено скотоводством и птицеводством. Вклад в краевое производство мяса и субпродуктов – 6,5%, молока – 27,5%. Доля производства цельномолочной продукции в краевом выпуске – 7,8, сыров и сырных продуктов – 14,7%.

Развитое растениеводство позволяет аграрному сектору зоны занимать заметное место в производстве в крае муки, зерновых и зернобобовых культур (20% краевого выпуска).

Развитие экономики зоны существенно сдерживается слабой инвестиционной активностью – душевые инвестиции более чем в 2 раза ниже среднекраевых; удельный вес инвестиций, приходящихся на зону, в общих инвестициях края имеет тенденцию к снижению.

Низкая инвестиционная привлекательность и активность хозяйствующих субъектов зоны имеет многочисленные негативные последствия, представляющие для развития зоны риски и угрозы. В их числе:

- недостаточные темпы технологической модернизации аграрного и промышленного производства;
- недостаточно высокая эффективность сельскохозяйственного производства;
- недостаточные темпы жилищного строительства;
- отставание темпов развития инженерной и транспортной инфраструктуры от потребности в развитии производственного и жилищного строительства;
- недостаточный уровень развития материально-технической базы учреждений социальной сферы [5].

В конечном итоге все это приводит к снижению численности населения и дефициту квалифицированных специалистов в экономике и социальной сфере.

2.1.4. ЮЖНАЯ ЗОНА. Зона занимает вторую по величине площадь территории края (6026 тыс. га или 27,4% территории края), почти в три раза при этом уступая Северо-Восточной зоне в плотности населения (8,55 чел./км²). Численность населения зоны составляет 392,9 тыс. чел. (16,6% населения региона). На территории зоны расположен г. Рубцовск и 14 сельских административных районов (см. рис. 5).

Конкурентные преимущества зоны обусловлены приграничным и транзитным положением. Природные агроклиматические условия зоны благоприятствуют развитию сельского хозяйства, а наличие крупного города (находящегося сегодня в трудном положении) с его производственной базой, промышленными площадками, транспортной инфраструктурой – возрождению промышленности (при создании необходимых для этого условий).

Южная зона характеризуется в целом сравнительно неблагоприятной демографической ситуацией. Это проявляется в депопуляции населения, его высоком миграционном оттоке, сравнительно старой возрастной структуре (средний возраст 41,5 лет), существенном половом диспаритете (112 женщин на 100 мужчин).

Коэффициент рождаемости ниже среднего по региону (соответственно 12,1 против 13,2‰). Естественная убыль в итоге превышает показатели по краю (соответственно -3,7% и -1,2%).

На зону приходится порядка 12-13% годового валового выпуска промышленной продукции. Базовые отрасли промышленности – обрабатывающая, добывающая, пищевая, лесоперерабатывающая. Размещение промышленных предприятий, как и в других зонах, характеризуется территориальными диспропорциями.

Аграрный сектор Южной зоны получил должное развитие: доля производства сельскохозяйственной продукции в краевом выпуске составляет 21,5%, а площадь сельхозугодий – 26,7% площади угодий края.

Заметную роль играет аграрный сектор зоны в производстве ряда видов сельхозпродукции: подсолнечника (41% в краевом выпуске), зерновых и зернобобовых культур (21,9%). Производство зерновых служит сырьевой базой для производства в зоне макаронной продукции: ее доля в краевом выпуске составляет 60%.

Основу животноводства составляет молочное скотоводство. Кроме того в зоне развиты овцеводство и козоводство, пчеловодство, пантовое оленеводство и мараловодство.

Для инвестиционного климата в зоне характерны тенденции, присущие в целом краю – незначительное снижение душевых инвестиций за последние годы. Инвестиционная активность в зоне тормозится рядом факторов, среди которых высокие транзитные издержки, длительные сроки доставки продукции железнодорожным транспортом, высокая конкуренция со стороны Казахстана.

Внешние риски развитию зоны по сравнению с другими территориальными образованиями не имеют ярко выраженных особенностей. То же самое можно сказать и о внутренних рисках и угрозах развитию зоны. В их числе:

- снижение численности трудоспособного населения;
- диспропорции на рынке труда;
- высокая дифференциация муниципальных образований по уровню и качеству жизни населения;
- высокий уровень теневой экономики;
- дефицит высококвалифицированных кадров;

- транспортная труднодоступность территории, плохое состояние транспортно-логистического комплекса, неразвитая транспортная инфраструктура;
- низкий уровень инвестиционной активности и инвестиционной привлекательности;
- недостаточное количество предприятий агропромышленного комплекса, которые производят продукцию с высокой добавленной стоимостью;
- деградация сельскохозяйственных угодий из-за использования устаревших технологий обработки почвы;
- неэффективная практика ирригации, обуславливающая засоление, несолодование севооборотов и несбалансированное внесение удобрений, ведущее к потере плодородия, загрязнению почв, водоемов [31].

В качестве перспективных направлений развития Южной зоны авторы Стратегии предлагают известные механизмы: проведение курса на импортозамещение, развитие института частно-государственного партнерства, диверсификацию экономики, развитие туристско-рекреационного комплекса.

В Приложении кратко представлена информация об основных конкурентных преимуществах, а также о внутренних и внешних рисках и угрозах стабильному развитию Алтайского края в разрезе территориальных зон (табл. 1.1-1.9).

2.2. СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЮЖНОЙ ЗОНЫ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Сотрудники Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург, выступившие разработчиками стратегии социально-экономического развития Южной зоны Алтайского края (далее – Стратегии) сумели в крайне сжатые сроки подготовить многоаспектный документ, который, с нашей точки зрения, при существенной доработке и кардинальном улучшении ряда разделов можно будет рассматривать как инструмент территориального развития. В основу экспертизы положен подход, при котором оценка Стратегии Южной зоны Алтайского края производилась нами с двух позиций – количественной (полноты охвата поставленных в Техническом задании задач) и качественной (научная обоснованность и глубина сделанных выводов и предложений).

Рассмотрим подробнее созданный документ в разрезе его основных разделов Стратегии.

Диагностика социально-экономического состояния Южной зоны, оценка существующего потенциала для дальнейшего развития территорий. Диагностика социально-экономического состояния Южной зоны представляет собой один из центральных разделов Стратегии. На долю этого раздела приходится примерно половина всего объема документа. Однако оценка развития большинства отраслей и сфер Южной зоны носит поверхностный характер и сводится к простой констатации фактов, без глубокого анализа проблем и обоснованных выводов.

Ценность работы существенно снижает «несбалансированность» используемой информации применительно к значимости решаемых задач. При характеристике одних, на наш взгляд, не ключевых стратегических проблем, она носит избыточный характер; по принципиальным же для формирования Стратегии Южной зоны моментам ощущается ее явный недостаток.

Качество анализа, сделанного разработчиками, зачастую ставится нами под сомнение. Аргументируем свою позицию на конкретных примерах.

По данным государственной статистики, приведенным разработчиками Стратегии зоны, в 2016 г. душевой объем инвестиций в основной капитал составлял в Змеиногорском районе 50,8, в Кулундинском районе – 3 тыс. рублей на человека. Статистика не позволяет при таких существенных различиях рассматривать объекты как однородные и пользоваться усредненными показателями по группе. Тем более это касается управленческих задач. Такая «средняя» мало что отражает, как, к слову, информация об инвестициях за один год.

Другой пример касается уже упоминаемой нами ранее методики оценки конкурентоспособности АПК. В этих целях разработчики используют всего лишь один показатель – масштабы сельхозпроизводства, даже не упоминая его эффективность. Да и оценка самого «масштаба развития сельского хозяйства» (по терминологии авторов), осуществлена по крайне упрощенной схеме – в зависимости от места района в рейтинге муниципальных образований по объемам производства растительной и животноводческой продукции. Такой подход, на наш взгляд, не может быть признан научно обоснованным.

Раздел, посвященный сельскому хозяйству, представляет собой лишь свод государственной и ведомственной статистики в разрезе муниципальных образований Южной зоны. В то время, как содержанием раздела, должен быть анализ развития сельского хозяйства Южной зоны, в том числе с использованием статистических данных. Так, для характеристики территориальной структуры производства сельскохозяйственной продукции авторы лишь построили диаграмму, отражающую изменение объемов производства сельхозпродукции в муниципальных образованиях, входящих в Южную зону в 2014-2016 гг., и выделили четыре района с наибольшими значениями анализируемого показателя. Никаких выводов об особенностях сельхозпроизводства в различных территориальных образованиях Южной зоны разработчиками Стратегии не сделано.

Наконец, последний пример. Несмотря на то, что, по мнению и экспертов, и населения проблемы занятости, безработицы и заработной платы относятся к

числу наиболее острых в Алтайском крае (в том числе в Южной зоне), в Стратегии, по нашему мнению, крайне скупо представлен анализ рынка труда. Оценка занятости и заработной платы ограничена рассмотрением ситуации на крупных и средних предприятиях, а безработицы – только на официальном рынке труда, хотя в сельской местности на них сосредоточено менее трети занятых и безработных. Отсутствует анализ производительности труда, неформальной занятости и скрытой безработицы, потерь рабочего времени, условий труда и др. Оценке конкурентоспособности АПК Южной зоны края, развитию культуры и спорта, жилищного фонда и среды проживания населения отведено менее чем по одной странице текста.

В работе неоднократно встречаются фрагменты, когда изложение текста не позволяет читателю уловить его смысл. Так, для оценки убыли населения разработчики Стратегии используют то ли темпы сокращения населения, то ли коэффициенты интенсивности, то ли просто пропущен текст. Когда одно и то же явление попеременно характеризуется с помощью различных единиц измерения (процентах, промилле), понять что-либо сложно.

Не менее показателен пример небрежности и научной невзыскательности авторов проекта Стратегии при характеристике транспортной инфраструктуры, где доля дорог с твердым покрытием превышает 100%.

Пожалуй, самые серьезные вопросы вызывает «тупиковый характер» сделанной в работе диагностики, заключающийся в отсутствии использования ее результатов для достижения конечных целей стратегирования. Предназначение диагностики социально-экономического развития территории в рамках разработки Стратегии, как известно, состоит не только и не столько в иллюстрации имеющихся различий в уровне социально-экономического развития муниципальных образований (на этом сделан акцент в работе), сколько в выделении групп (классов, типов) территориальных образований, требующих использования различных мер региональной политики. В экспертируемой же работе «диагностический раздел», по нашему мнению, в основном и главным не выполняет присущих ему при разработке Стратегии функций.

К примеру, при характеристике инвестиционной политики в Южной зоне вопрос о сложившихся различиях в инвестиционной привлекательности муниципальных образований Южной зоны и необходимости их нивелировки больше не поднимается. Тем самым сводится «на нет» одна из ключевых целей работы – «снижение диспропорции пространственного развития Алтайского края».

Результаты диагностики практически не используются в дальнейшем еще в одном, принципиальном с позиций стратегирования моменте – формулировке предпосылок и ограничений развития зоны и ее муниципальных образований. С этих позиций остается непонятным, почему крайне важный для зоны устойчивого земледелия тезис о внутренней природно-климатической неоднородности зоны, подтвержденный данными филиала ФГБУ «Госсорткомиссия» по Алтайскому краю, данными Министерства сельского хозяйства Алтайского края, не получил должного для стратегического документа развития.

Такая диагностика не позволила авторам представленного документа разработать обоснованные прогнозы и предложить эффективные меры для решения проблем социально-экономического развития Южной зоны. Большой и трудоемкий раздел Стратегии зоны, хотя и выполненный с максимальным использованием статистических данных за последний отчетный период – 2016 год, фактически «повис в воздухе» и не работает на конечный результат. В то же время в крае есть примеры гораздо более научно обоснованного и глубокого анализа текущей социально-экономической ситуации, выполненного в 2009 г. ФГОУ РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева [30].

Приоритетные направления социально-экономического развития Южной зоны, основные мероприятия и предложения по размещению производительных сил на ее территории. Следует признать, что для разработчиков-ученых этот раздел, в силу его высокой степени конкретизации, представляет особую трудность. С одной стороны, нужно глубокое понимание алтайской «земли», а с другой – изучение опыта других регионов и возможности его использования в условиях Алтайского края.

Перед разработчиками стояла непростая задача:

- обобщить опыт реализации 36 государственных программ, выделив в них ключевые моменты;

- «наложить» утвержденные государственные программы, хотя бы в своих ключевых аспектах, на муниципальные образования Южной зоны края;

- предложить с учетом опыта других регионов России новые и эффективные инструменты территориального развития, которыми можно было бы дополнить государственные программы Алтайского края до 2020 года и планировать их использование до конца срока действия Стратегии.

К сожалению, разработчикам проекта Стратегии, на наш взгляд, не удалось это реализовать. Достаточно сравнить охват и обоснованность (в т.ч. ресурсную) мероприятий государственных программ края (по любому из направлений его развития), чтобы понять, что в Стратегии, за исключением единичных примеров (формального провозглашения кластеризации экономики Южной зоны), никакого продвижения нет.

В разделе, как и следовало ожидать, получили отражение, главным образом, направления развития, а не конкретные мероприятия. Это касается, к примеру, мероприятий по развитию социальной инфраструктуры, не подкрепленных, однако, перечнем инвестиционных проектов с территориальной привязкой к конкретным муниципальным образованиям.

В то же время в крае есть пример гораздо более глубокой научной проработки (по сравнению с проектом Стратегии Южной зоны) стратегического документа, имеющего прямое отношение к ее развитию, почему-то не упомянутого и не использованного авторами [3].

Ожидаемые результаты реализации Стратегии, показатели достижения цели социально-экономического развития Южной зоны. Ожидаемые результаты реализации Стратегии Южной зоны, к сожалению, частично отражены в показателях, затрудняющих их сравнение с результатами утвержденных стратегических документов. Для проверки соответствия показателей достижения цели Стратегии Южной зоны показателям Стратегии края и государственных программ Алтайского края нами, исходя из имеющихся в упомянутых документах

прогнозов, были произведены соответствующие расчеты, позволившие сопоставить полученные результаты.

Согласно результатам, представленным разработчиками, прогнозные показатели Стратегии Южной зоны зачастую не стыкуются с аналогичными показателями действующих стратегических документов. В частности, индекс производства продукции сельского хозяйства, согласно Программе развития сельского хозяйства на 2013-2020 гг., планировался в 2020 г. по отношению к 2016 г. на уровне 8,8%. В Стратегии аналогичный показатель, правда, по отношению не к 2020 г. а к 2021 году, спланирован на уровне 27%, т.е. в три раза выше, чем предусмотрено Программой развития сельского хозяйства.

По отношению к сегодняшним реалиям темпы роста сельскохозяйственного производства в Стратегии Южной зоны также существенно завышены. По данным, представленным в докладе Министра экономики на заседании Алтайского краевого Законодательного Собрания 19.10.2017 г., «индекс производства продукции сельского хозяйства за 3 года составит по базовому варианту прогноза 103,1%, что соответствует параметрам отраслевой региональной Государственной программы. По целевому варианту с учетом реализации ряда крупных инвестиционных проектов, в том числе в животноводстве, мы закладываем ускорение темпов роста в течение всего прогнозного периода до 103,7% к 2020 году, что в целом за период составит 108,7% при 106,5% в среднем по России».

В результате завышения темпов роста сельхозпроизводства показатели объема продукции сельского хозяйства Стратегии Южной зоны и Программы развития сельского хозяйства существенно разнятся: соответственно 38 млрд. руб. в 2021 г. и 24,6 млрд. руб. в 2020 г. (в ценах 2016 г.)

Можно конечно предположить, что превышение установок краевой Программы развития сельского хозяйства более чем в 1,5 раза обусловлено спецификой Южной зоны, связанной с отраслевыми типами специализации сельскохозяйственного производства, либо, что, на наш взгляд, более вероятно, будет

обеспечено за счет дополнительного привлечения в отрасль ресурсов, прежде всего, инвестиций.

Прогнозируемый в 2025 г. объем инвестиций в основной капитал Южной зоны составляет по нашим расчетам порядка 9 млрд. руб. (в ценах 2016 г.). Согласно Стратегии развития края, исходя из заложенных в ней среднегодовых темпов роста инвестиций в основной капитал, равных 9,3%. Ухудшение макроэкономической ситуации обусловило необходимость корректировки заложенных в Стратегию края темпов роста инвестиций. Однако и сейчас они остались на достаточно высоком уровне: согласно прогнозу на 2018-2020 гг. на уровне 106% по базовому варианту и 107,6% - по целевому. Общий объем инвестиций в крае составит в 2025 г. более 150 млрд. руб. (в ценах 2016 г.). Следовательно, доля Южной зоны в общих инвестициях края составит в 2025 г. 6%, в то время как в Стратегии развития края удельный вес Южной зоны в инвестициях края предполагается в два раза выше – 12%. Очевиден экономический парадокс: в Стратегии Южной зоны прогнозируется существенно больший результат при гораздо меньших вложениях.

По-видимому, для обеспечения сбалансированного пространственного развития края в Прогноз Стратегии зоны должны быть заложены более высокие по сравнению с общекраевыми темпы роста инвестиций и, главное, предусмотрены мероприятия по повышению инвестиционной привлекательности ряда отстающих муниципальных образований зоны (к примеру, г. Рубцовска или Курьинского района, имеющих душевой объем инвестиций в 10 раз ниже среднекраевого значения).

Разработчики Стратегии зоны, судя по анализу внутренних проблем, реально отражают ситуацию и, более того, справедливо говорят о необходимости «значительных прямых инвестиций в обновление и расширение мощностей». Но в прогноз развития Южной зоны закладывают темпы роста инвестиций аналогичные среднекраевым, без учета необходимости подтягивания Южной зоны по важнейшему показателю развития.

В этом случае не следует закрывать глаза на реальную угрозу чрезмерной дифференциации муниципальных образований края по уровню социально-

экономического развития в перспективе со всеми известными последствиями и, в частности, не питать иллюзий в том отношении, что города Змеиногорск и Рубцовск будут развиваться как полюса роста Южной зоны края, а опорные сельские поселения сконцентрируют на своих территориях поток внутризональных мигрантов.

Механизмы реализации Стратегии и системы управления. Этот раздел работы, по нашему представлению, оказался в проекте Стратегии нераскрытым. По большому счету речь идет о разумном сочетании в управлении территорией текущей региональной политики (главенствующей сегодня и включающей в себя мелкомасштабные краткосрочные мероприятия) и регионального программирования, связанного с реализацией крупномасштабных средне- и долгосрочных мероприятий.

При характеристике механизмов реализации Стратегии зоны разработчики ограничились общеизвестными положениями о необходимости обеспечения «баланса интересов», «комплексного использования инструментов», «использования программно-целевых проектных и других методов управления». Перечень мероприятий по реализации стратегических направлений развития внешне напоминает отраслевые государственные Программы Алтайского края, приведенные в усеченном виде и «привязанные» к Южной зоне.

Вопрос о системе управления развитием Южной зоны остался нераскрытым. Должна ли в этих целях формироваться новая управленческая структура (типа сформированной в начале 90-х годов Администрации СЭЗ Алтай) и каковы должны быть ее функции? Или реализацию функций по стратегическому управлению Южной зоны следует возложить на существующие структуры регионального и муниципального управления?

В заключение следует сказать, что отмеченные выше просчеты и недоработки Стратегии развития Южной зоны Алтайского края носят достаточно типичный характер и обусловлен тем, что, как само стратегирование, так и механизмы реализации сформированной Стратегии находятся сегодня в стадии становления и активного осмысления со стороны науки.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К РАЗДЕЛУ 2

- 1. Дайте подробную характеристику Северо-Восточной территориальной зоне Алтайского края: особенности, конкурентные преимущества, угрозы развитию территории.**
- 2. Охарактеризуйте особенности развития Юго-Восточной зоны Алтайского края: конкурентные преимущества, отрасли специализации, демографическая ситуация, инвестиционный климат, внутренние и внешние риски развития зоны.**
- 3. Раскройте специфику развития Северо-Западной зоны Алтайского края, ее сильные и слабые стороны по сравнению с другими зонами.**
- 4. Охарактеризуйте Южную зону Алтайского края с точки зрения особенностей развития, конкурентных преимуществ, внутренних и внешних угроз развитию территории.**
- 5. Сформулируйте приемлемые для Алтайского края способы нивелирования внешних и внутренних угроз и рисков.**
- 6. С чем, на ваш взгляд, связана проблема разработки адекватных стратегий развития территориальных зон Алтайского края? Что необходимо сделать, чтобы Стратегии развития территориальных зон были более приближены к реальности? Дайте развернутый ответ в виде эссе.**

РАЗДЕЛ 3. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СТРАТЕГИРОВАНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

3.1. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СТРАТЕГИРОВАНИЯ В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ

Стратегическое планирование относится к той области научных исследований, которая не обойдена вниманием ученых. Интерес исследователей к проблемам регионального стратегирования обусловлен, в конечном счете, сложившимся в практике хозяйствования соотношением оперативного управления и программирования, ростом практического интереса к стратегическому планированию, обусловленным принятием 28 июня 2014 г. Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Начало 1990-х годов, характеризующееся сломом хозяйственной системы и, как следствие, усилением стихийных начал в ведении хозяйства, повлекло за собой примат антикризисного управления. Установка хозяйствующих субъектов на выживание, на адаптацию к новым условиям хозяйствования, исключала необходимость ориентироваться в своей работе на день завтрашний и, соответственно, использования в практике управления такого инструмента как стратегирование.

Стабилизация экономики России к началу 2000-х гг. возродила практический интерес к стратегическому планированию. Немалую роль в возрождении стратегирования сыграли и политические факторы. Идеологи реформ, опираясь на западный опыт, связывали с этим инструментом выход экономики страны на новые рубежи. В реальной практике это нашло отражение в установленной правительством возможности получения регионом инвестиций при условии наличия утвержденной в Министерстве экономического развития России Стратегии регионального развития.

К настоящему времени использование стратегического планирования в качестве инструмента регионального управления стало массовой практикой. Об этом свидетельствует масштаб охвата субъектов Федерации этой формой управления: к началу 2017 г. утвержденные стратегии были у большинства регионов [25, с. 77]. Что же касается разработки и утверждения Стратегий–2030, то процесс заметно ускорился после принятия Федерального закона № 172-ФЗ: по состоянию на начало 2017 г. утвержденные стратегии имели менее двадцати [49, с. 579], а к настоящему времени – большинство регионов России.

Имеющийся опыт (и весьма успешный!) стратегического управления в рамках директивной экономики не «вписывался» в реалии формирования российских рыночных отношений, в связи с чем российская методика регионального стратегирования была частично сформирована с учетом «западного» опыта. Детальная характеристика принципиальных отличий российской модели стратегического планирования от «западной» дана сотрудниками Института экономических исследований ДВО РАН А. Швецовым, А. Демьяненко, В. Украинским [47, с. 55-58].

Однако, как известно, «западный» подход к территориальному планированию сложился под воздействием объективных потребностей развития зарубежной экономики, отражая в существенной мере рыночный механизм хозяйствования и особенности управления в условиях децентрализованной экономики и, что не менее важно, демократического государства.

В России же социально-экономическая ситуация начала 2000-х гг., да и в последующие годы, лишь отдаленно, по внешним признакам напоминала «западную» модель. Первые ростки демократии в стране не давали серьезных предпосылок для формирования стратегии по «западному» образцу, отличительной чертой которой является согласование интересов власти, бизнеса и населения (общественности). Можно смело утверждать, что обеспечение консенсуса власти, бизнеса и населения в части перспектив развития территории является и сегодня наиболее узким местом стратегирования. Тем более, если

принять во внимание во многом формальный характер так называемого «общественного обсуждения» стратегических документов.

Слепое копирование западного опыта, без учета специфики российских реалий, как и во многих других случаях, породило ситуацию, известную по басне И.А. Крылова «Мартышка и очки». В результате, по меткому выражению А. Швецова, процесс стратегического планирования «приобрел характер неумеренного и неквалифицированного увлечения», антикризисное управление повсеместно сменилось «безответственным проектированием далекого светлого будущего» [48, С. 48, 54].

В наибольшей мере сказанное справедливо по отношению к разработке долгосрочных планов социально-экономического развития муниципальных образований (за исключением, пожалуй, больших и крупных городов). С нашей точки зрения, предпосылки для стратегирования сельских административных районов и, в особенности, сельских поселений в полной мере еще не «созрели»: отсутствуют добротные методики и квалифицированные кадры, да и информационная база крайне узка.

Попытки решить дефицит «профессионалов – стратегов» на местном уровне за счет приглашения сторонних (зачастую столичных) специалистов, как показала практика, нередко оборачивались тиражированием ранее выполненных стратегических документов, без учета сложившейся в течение долгих лет специфики хозяйства, уровня и образа жизни населения, социально-экономического развития региона в целом.

В частности, в Алтайском крае «стратеги-легионеры», по преимуществу, столичные организации, практически вытеснили сибирских, в т.ч. местных, аналитиков (табл. 2). Дело здесь не только в поиске региональными органами власти более квалифицированных исполнителей, что, в общем-то, отражало реальную ситуацию с кадровым обеспечением региональной науки. «Стратеги-легионеры» гарантировали региональным властям «проходимость» созданного ими стратегического документа в процессе его утверждения в Министерстве

экономического развития России и, более того, возможность дополнительного получения регионом инвестиций из федерального Центра.

Таблица 2

Стратегические разработки по Алтайскому краю и их исполнители

Год выполнения	Наименование разработки	Исполнитель
2007 г.	Стратегия социально-экономического развития Алтайского края на период до 2025 г.	Консалтинговая фирма РОЭЛ (г. Москва)
2007 г.	Схема территориального планирования Алтайского края	ЦНИИП градостроительства (г. Москва)
2009 г.	Программа устойчивого развития сельских территорий Алтайского края	ФГОУ Российский государственный аграрный университет им. Никонова (г. Москва)
2010 г.	Программа «Комплексные инвестиционные планы моногородов Алтая»	Консалтинговая фирма РОЭЛ (г. Москва)
2011 г.	Актуализация стратегии социально-экономического развития Алтайского края	СОПС (г. Москва)
2011 – 2012 гг.	Стратегический анализ и программа создания Центра регионального развития на территории города Рубцовска и Рубцовского района	Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург)
2011 – 2012 гг.	Создание ситуационного Центра Алтайского края	Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр (г. Санкт-Петербург)
2014 г.	Стратегия развития Северо-Восточной зоны Алтайского края на период до 2025 г.	ООО «Научные разработки» (г. Москва)
2016 г.	Стратегия развития Северо-Западной зоны Алтайского края на период до 2025 г.	Фонд «Центр стратегических разработок «РЕГИОН» (г. Москва)
2016 г.	Стратегия развития Юго-Восточной зоны Алтайского края на период до 2025 г.	НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург (г. Санкт-Петербург)
2017 г.	Стратегия развития Южной зоны Алтайского края на период до 2025 г.	НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург (г. Санкт-Петербург)

Практика формирования стратегических планов «под копиру» доводила до курьезов. Так, к примеру, в середине 2000-х гг. приглашенные «стратеги», приняв во внимание происходящую сервизацию экономики страны в целом и столичных регионов, в частности, спрогнозировали перспективу Алтайского края как центра развлечений, отдыха и туризма, выпустив из виду развитие его якорных отраслей – промышленности и сельского хозяйства. В расчет не был принят относительно невысокий уровень социально-экономического развития края, что подтверждается рядом исследований. Так, по оценке Г.Ю. Гагариной и ее коллег уровень социально-экономического развития Алтайского края оценен как «очень низкий» [14, С. 1088].

Подобная ситуация, как это ни странно звучит, является довольно типичной и отражает в определенной мере отрыв ряда ученых от реальной практики. Как правило, перспективы российских регионов, даже с относительно низким уровнем доходов населения и душевым ВРП (в их числе – Алтайский край), прогнозируются с оглядкой на развитые зарубежные страны, где постиндустриальное развитие является реальностью для большинства территорий, а не отдельных столичных округов, как в России.

«Перспективное» видение будущей специализации края, однако, не нашло понимания ни у региональных властей, ни у общественности, в результате чего в Стратегию развития края были внесены соответствующие коррективы.

Заметим для начала, что анализ проблем российского стратегического планирования, касается ли он вопросов разработки его теоретико-методологических основ либо оценки инструментов и эффективности регионального планирования, носит крайне дискуссионный характер. В наиболее концентрированном виде дискуссионность проблем российского стратегического планирования отражена в работах А.Н. Швецова, А.Н. Демьяненко, В.Н. Украинского [47, 48].

Не претендуя на исчерпывающий анализ всех дискуссионных проблем регионального стратегирования, коснемся лишь вопросов и тем, имеющих, на наш взгляд, принципиальное значение для практики планирования.

Прежде всего, это, конечно, проблемы формирования адекватной и корректной системы теоретико-методологических основ планирования, чему посвящено значительное число научных публикаций.

К настоящему времени появились работы обобщающего характера, в которых проведена классификация и дана оценка ключевых теоретических подходов к стратегическому управлению территорией. В частности, Д.П. Фроловым и И.А.Соловьевой предложены 8 концепций (подходов) к стратегическом управлению территориями: от «традиционных», получивших широкое распространение (функционально-отраслевого, кластерного, устойчивого развития) до современных и, с точки зрения авторов, наиболее актуальных (институционального и когнитивного) [45, С. 39-40]. С нашей точки зрения, такая классификация носит достаточно условный характер. Типичной ситуацией в практике регионального стратегирования является одновременное использование отдельных элементов различных подходов. Другой вопрос, что при анализе практики стратегирования исследователи делают акцент на каком-то одном, с их точки зрения, доминирующем подходе: кластерном [22, 8], устойчивого развития [52, 10], ресурсном [16] и др.

Авторы дают взвешенную характеристику каждому из подходов, выделяя как их сильные, так и слабые стороны. В связи со сказанным, интересно отметить критический взгляд авторов на эффективность кластерного подхода. Опираясь на работы зарубежных ученых [53,54], они констатируют, что «с точки зрения практики заметен огромный разрыв между высокими ожиданиями от кластерной политики и ее реальными скудными результатами во многих странах» [45, С. 30].

В связи с вышесказанным обратим внимание на одно важное с позиций практики стратегирования обстоятельство. Критические высказывания в адрес кластерной политики как инструмента регионального управления в зарубежной литературе прозвучали уже в начале 2000-х гг. Однако в России кластерный подход при разработке региональных стратегий является доминирующим и не ставится под сомнение. Правда, наряду с этим появились и другие инструменты

стратегирования: особые экономические зоны, территории опережающего развития, технопарки и т.д.

Продолжая тему классификаций подходов к региональному управлению отметим, что в современной научной литературе можно найти и иные классификации методических подходов к управлению территориальным развитием. Так, О.А. Козлова, Т.В. Терентьева, М.Н. Макарова, Д.Х. Лан на основе обзора теоретических концепций практик управления территориальным развитием выделили и охарактеризовали три наиболее востребованных методических подхода к региональному развитию: 1) кластерный или отраслевой; 2) территориальный; 3) территориально-отраслевой [18, С. 766-767].

Накопленный опыт регионального стратегического планирования в России 1990 и 2000-х гг. позволил ученым выявить эволюцию взглядов на стратегическое планирование и провести его этапизацию. По оценке специалистов Института экономики Уральского отделения РАН можно выделить пять этапов эволюции стратегического планирования в регионах России:

- I. 1993–1995-2001 гг. – «восстановление» системы планирования;
- II. 2002–2004 гг. – переход к разработке региональных стратегий развития;
- III. 2005–2009 гг. – унификация региональных стратегий;
- IV. 2010–2013 гг. – формирование институциональной и правовой базы новых инструментов стратегического планирования;
- V. 2014–2018 гг. – оформление системы стратегического планирования в соответствии с новым федеральным законом [49, С. 572].

Широко дискутируется вопрос об обосновании степени унификации региональных стратегий, учитывая необходимость отражения в них региональной специфики. Как правило, в научных статьях отмечается схожесть принятых в регионах стратегий, что отчасти, предопределено требованиями ФЗ-172, а отчасти – заимствованием опыта других, более «продвинутых» регионов. Бенчмаркетинг лучших региональных и мировых [32] практик стратегирования традиционно является одним из основных способов формирования и совершенство-

вания стратегий развития территориальных социально-экономических систем. Обоснованное заимствование опыта регионов-лидеров в части стратегирования (например, республики Татарстан) является, с нашей точки зрения, нормальной практикой для федеративных государств, и его не следует путать с бездумным тиражированием, дискредитирующим идею регионального стратегирования.

С другой стороны, активизация регионального законотворчества, насущное требование учета региональной специфики (к слову, не предусмотренное федеральным законом), отсутствие федеральной стратегии развития до 2030 г. стимулировало регионы на проявление нешаблонного подхода к определению содержания и структуры разрабатываемых стратегий.

Анализ стратегий социально-экономического развития субъектов Федерации до 2030 г. позволил А.Г. Шеломенцеву и его коллегам выделить и охарактеризовать (с определенной степенью условности – *А.Т.*) три их основные группы:

- 1) стратегии национальных регионов (республик и автономных округов);
- 2) стратегии удаленных от центра сырьевых регионов;
- 3) стратегии экономически развитых регионов [49, С. 582-585].

Центральный момент, определяющий перспективы регионального стратегирования, заключается в повышении эффективности стратегии как инструмента регионального управления. По этой теме опубликованы единичные статьи [11]. Это находит свое объяснение в сложности и слабой методологической и методической проработки вопроса оценки эффективности функционирования и развития территориальных социально-экономических систем. Не углубляясь в полемику, отметим, что и предлагаемые в цитируемой статье критерии эффективности социально-экономического развития региона, на наш взгляд, носят дискуссионный характер.

Анализ научных публикаций, проведенных Г.Ф. Балакиной, позволил ей сделать вывод о том, что «системное видение многоуровневой оценки результатов реализации стратегий развития регионов еще не сформулировано [11, С.

1429]. На наш взгляд, полемика, в части оценки эффективности регионального стратегирования, фактически не развернута.

Как правило, исследователи акцентируют свое внимание на «слабых» элементах стратегирования, носящих частный характер, а именно:

- несогласованности документов стратегического планирования федерального уровня, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, перспективных планов развития «якорных» предприятий и государственных корпораций, дислоцированных в регионе;
- слабой взаимосвязи с государственными, в т.ч. региональными программами развития;
- декларативности и ресурсной необеспеченности целей стратегии;
- недостаточном учете специфики региона и т.д.

Особо следует сказать о критичном отношении исследователей к инструментам стратегирования. Пожалуй, наибольшие нарекания вызывает формальное и неквалифицированное использование SWOT-анализа, давшее повод А.Н. Швецову и его коллегам образно охарактеризовать его результаты как «плачевные» [48, С. 78]. Типичная ошибка, на которую указывают исследователи, состоит в «тупиковом» характере результатов SWOT-анализа, подразумевающим отсутствие их использования в последующих процедурах стратегического анализа [21, С. 159].

Если попытаться обобщить положения, высказываемые научно-экспертным сообществом, то их суть вкратце сводится к следующему:

1. Региональное стратегическое планирование – необходимый и важнейший элемент регионального управления.
2. В силу ряда причин система несовершенна и находится в стадии формирования [17, С. 99].
3. Предъявлять высокие требования к качеству, а тем более – к эффективности формирующегося нового инструмента регионального управления, несколько преждевременно.

Каковы, с нашей точки зрения, критерии успешности разработки и реализации стратегий развития регионов? Здесь возможны различные подходы, и один из них – это степень достигнутых изначально установленных плановых показателей (индикаторов).

3.2. АНАЛИЗ ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО СТРАТЕГИРОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Проанализируем с этих позиций практику регионального стратегирования в Алтайском крае. В качестве предварительных замечаний отметим, что процесс стратегирования в крае хронологически и содержательно близок российскому.

В Алтайском крае были разработаны три стратегических плана развития региона с разным горизонтом планирования: на период 2002-2010 гг., 2007-2025 гг. (модернизирован в 2011 г.) и, наконец, 2019-2035 гг. Кроме того, стратегия социально-экономического развития края на 2011-2025 гг., как отмечалось ранее, была конкретизирована применительно к территориальным зонам края – Северо-Восточной (2014 г.), Северо-Западной (2016 г.), Юго-Восточной (2016 г.), Южной (2017 г.) – см. табл. 2.

Имеющиеся на момент написания пособия показатели социально-экономического развития края позволили сравнить установленные изначально в Стратегии–2010 и Стратегии–2025 значения ключевых индикаторов с их фактическими либо ожидаемыми значениями.

Наша гипотеза о существенном невыполнении плановых индикаторов в силу амбициозности стратегических документов подтвердилась лишь отчасти. Заметим, что амбициозный характер региональных стратегий был во многом обусловлен требованиями Министерства экономического развития России. Ситуация постепенно меняется. Как отмечают эксперты, за последние 10 лет качество региональных стратегий улучшилось; поставленные цели стали менее декларативными, более обоснованными и реалистичными [25, С. 77]. Решающее

влияние на степень достижения плановых показателей оказала специфика переживаемого этапа экономики. Характеристика различных этапов развития экономики и их влияние на социально-экономическое развитие Алтайского края дана нами в [36, С. 53-90].

Так, развитие страны и края в первом десятилетии 2000-х гг. ознаменовалось ускоренным ростом благосостояния населения, в результате чего показатели, отражающие уровень жизни жителей края, были перевыполнены (табл. 3).

Таблица 3

Темпы роста основных показателей социально-экономического развития Алтайского края в 2002-2010 гг. (2010 г. к 2002 г., %)

Наименование показателя	Плановые индикаторы		Фактическое значение
	благоприятный вариант	умеренный вариант	
ВРП	220,0	210,0	148,3
Производство промышленной продукции	195,0	186,0	149,7
Продукция сельского хозяйства	171,0	160,0	127,3
Инвестиции в основной капитал	245,0	230,0	241,0
Оборот розничной торговли	205,0	193,0	234,2
Платные услуги населению	206,0	195,0	187,2
Реальные располагаемые денежные доходы	210,0	200,0	221,3
Реальная начисленная заработная плата	211,0	193,0	233,8
Индекс потребительских цен	163,0	179,0	269,5

Примечание. Рассчитано Ю.А. Перекаренковой с использованием статистических сборников: Статистический ежегодник. Алтайский край. 2003-2008. С. 23, 27-28, 359; Статистический ежегодник. Алтайский край. 2007-2012. С. 22, 28, 387; Алтайский край в цифрах. 2001-2005. С. 22.; Стратегия социально-экономического развития Алтайского края до 2010 г. (опыт перспективного территориального планирования): коллективная монография / под ред. В.И. Псарева. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С.46, 52.

Что же касается Стратегии социально-экономического развития края до 2025 г., то согласно проведенным расчетам и с учетом сохранения сложившихся среднегодовых темпов роста показателей, можно ожидать их существенного недовыполнения (табл. 4).

Таблица 4

*Выполнение целевых значений социальных показателей Стратегии–2025
(по варианту 2007 г.)*

Показатели	Единица измерения	Целевые значения показателя	Ожидаемые (расчетные) значения показателя в 2025 г.	Отношение ожидаемого показателя к целевому значению, %
Среднедушевые денежные доходы населения	рублей (в базовых ценах 2006 г.)	32,0	11,6	36,2
Среднемесячная заработная плата одного работающего	рублей (в базовых ценах 2006 г.)	35,0	12,3	31,5
Прирост среднемесячной заработной платы	кол-во раз, к 2006 г.	5,7	2,0	35,0
Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума	%	3-4	16,0	10,1
Обеспеченность жильем на 1 человека	кв. м	28,0	27,0	96,4
Отношение величины среднего денежного дохода в расчете на душу населения к величине прожиточного минимума	%	5,3	3,5	66,0

Примечания. 1. Ожидаемое значение показателей в 2025 г. рассчитывалось, исходя из среднегодовых темпов их роста, сложившихся в 2007-2017 гг.

2. Расчеты произведены А.М. Сергиенко.

Однако в практике оценка эффективности стратегии по степени достижения ее целей не нашла применения, хотя для планового документа она казалась само собой разумеющимся делом. Более того, в стратегии заложен механизм их систематической корректировки, отражающей изменения внешней и внутренней конъюнктуры (подобно тому, как нерадивый ученик «подгоняет» решение задачи под заранее известный ответ).

В результате ни одна из Стратегий социально-экономического развития края не «дожила» до ее окончания (принцип «прерванного полета»); итоги не подводились, а откорректированные (модернизированные) стратегии существенно, даже содержательно, отличались от первоначального варианта. Для полноты картины следует добавить, что вместо обобщающих, конечных индикаторов достижения целей стратегии зачастую использовались промежуточные показатели либо показатели, которые отсутствуют в статистическом учете и их трудно проконтролировать. Опубликованные нами ранее статьи на эту тему позволяют подробно не останавливаясь на более глубоком содержательном анализе краевых стратегических документов [42, С. 75-85; 43, С. 79-85].

Изложенный материал наглядно продемонстрировал сложные и трудные пути становления стратегирования в условиях рыночной экономики по российскому варианту. Следует отметить, что результаты данного исследования ранее уже публиковались авторами [26, 40, 41].

Каковы же перспективы регионального стратегирования в качестве эффективного инструмента управления территорией? В данном случае мы не принимаем в расчет получившую значительное распространение практику формального («для галочки») создания стратегических документов, не имеющего, по нашему мнению, конструктивного, созидательного начала и дискредитирующего саму идею стратегирования.

Сказанное выше наводит на мысль, что будущее регионального стратегирования в основном и главном зависит от качества прогнозирования. Сегодня именно прогнозирование является «ахиллесовой пятой» стратегирования и здесь заложены явные угрозы функционированию и развитию стратегии разви-

тия региона как инструмента регионального управления. Сигналы о неблагополучии в этой области поступают не только от исследователей [14, 29], но и от практиков, причем с «верхних этажей» управления.

«Современное экономическое и технологическое развитие, - пишет Д.А. Медведев, - вообще плохо поддается прогнозированию, но в период после 2008 г. наблюдается качественно иной уровень нестабильности, резко снижающий возможности прогнозировать даже ближайшее будущее [23, С. 6].

Однако, прогнозирование носило и всегда будет носить вероятностный характер. На пути становления эффективного регионального стратегирования, по большому счету, стоят несовершенство и противоречия современной региональной политики во всех ее аспектах, слабая разработанность вопросов управления пространственным развитием страны и ее субъектов.

На наш взгляд, одним из существенных критериев эффективности стратегии социально-экономического развития региона является то, в какой степени удалось снять либо нивелировать ключевые ограничения, риски и угрозы его развитию.

3.3. ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ 3

Подведем некоторые итоги. Итак, насколько удачной и продуктивной оказалась идея реализации и конкретизации Стратегии развития региона посредством разработки Стратегий развития его территориальных зон?

С нашей точки зрения, полученный в крае опыт стратегирования характеризуется рядом недостатков. Многие из них порождены системой организации работы и, прежде всего, отсутствием единой методологии и методики диагностирования проблем социально-экономического развития для всех территориальных зон, «отягощенной» спецификой подхода различных авторов к формированию стратегий, выполненных к тому же с большим разрывом во времени и, главное, без учета во всех четырех Стратегиях анализа внутризональных и межзональных взаимосвязей.

В результате структура разработанных стратегических документов (формулировка целей и задач, сроков и этапов реализации стратегии зон, разработка многовариантного сценария их развития и т.д.), внешне имеет одинаковый вид, диагностика же проблем фактически не отражает, с одной стороны общих для всего края, а с другой – присущих исключительно данной территориальной зоне, особенностей развития. Очевиден явный «перекос» в сторону общих для всего края особенностей и направлений социально-экономического развития территориальных зон в ущерб раскрытию их специфики.

По-видимому, ситуация носит объективный характер: специфика развития зоны по сравнению с особенностями развития края выражена гораздо слабее. Так, например, для всех зон характерно аграрное производство, проблемы развития которого, как известно, имеют системный характер для всего АПК (инвестиционная недостаточность, ухудшение состояния сельскохозяйственных земель, неразвитость транспортной и социальной инфраструктуры сельских населенных пунктов, низкий уровень доходности и высокая закредитованность сельскохозяйственных товаропроизводителей и др.). Доминанта общих проблем над специфическими характерна и для промышленности, где набор отраслей, дислоцированных на территории зоны, во многом идентичен. Там же, где

имеется явно выраженная для края отраслевая специфика (металлургическое производство с Северо-Восточной зоне), особенности состояния промышленности в Стратегии не раскрыты.

Немаловажно также и то, что использование в Стратегиях «среднезональных» показателей социально-экономического развития при наличии существенной территориальной дифференциации (в т.ч. по линии «город-село»), не отражает реалий и, на наш взгляд, не может «сработать» на повышение эффективности Стратегии как инструмента территориального управления.

Отсутствие изначально заданного единого алгоритма анализа социально-экономического развития (при, естественно, определенной авторской свободе в приоритетном рассмотрении тех или иных задач, конкретной методике анализа) привело к несопоставимости результатов. Это касается как перечня задач, так и способов их решения (при заметных различиях в глубине проработки вопросов в различных документах). К примеру, оценка вклада зон в социально-экономическое развитие края сделана не во всех разработанных Стратегиях, а использование различных показателей государственной и ведомственной статистики для анализа состояния экономики и социальной сферы территории не позволяет увидеть степень выраженности рассматриваемых проблем в каждой из зон.

Бесспорно, просматривается формальная взаимосвязь разработанных стратегических документов со Стратегией развития Алтайского края, но при этом, по нашему мнению, оказалось утерянным целостное видение региона, пропорций и диспропорций его пространственного развития. Этот момент был «усилен» просчетами со стороны разработчиков отдельных зональных стратегий (в частности, ряд целевых показателей и индикаторов Стратегии развития Южной зоны не корреспондирует с показателями краевой Стратегии).

С учетом сказанного, использовать полученные разработки как научную основу политики повышения сбалансированности пространственного развития региона, на наш взгляд, не представляется возможным.

Один из наиболее дискуссионных моментов связан с выбором территориальных единиц, положенных в основу пространственного раздела Стратегии

развития края. Обязательным условием выделения такой территориальной единицы (округа, зоны и т.д.) является не только общность местоположения, но и теснота экономических и социальных связей между территориями. С этих позиций более предпочтительной по сравнению с рассмотренными зонами было бы использование территориально-производственных округов (см. раздел 1 пособия).

К вопросу выделения территориальных единиц можно подойти и с другой, практической стороны. Территории, составляющие «костяк» пространственного среза региона, должны пройти, на наш взгляд, практическую «обкатку», своеобразную проверку на целостность и взаимосвязанность. С позиции рациональной организации регионального управления было бы целесообразно, на наш взгляд, использовать управленческие округа края. Экономические и социальные особенности управленческих округов Алтайского края охарактеризованы в «Экономической энциклопедии регионов России. Алтайский край» [50]. В 2014 г. постановлением администрации края управленческие округа были отменены [2].

Идея выделения управленческих округов региона, на наш взгляд, опирается на планово-управленческую концепцию экономического районирования, получившую широкое распространение к середине 20-х годов прошлого века, благодаря работам представителей так называемой школы Госплана (Александрова И.Г., Егорова К.Д., Кржижановского Г.М. и др.). Следует отметить, что теоретическое обоснование социально-экономического районирования и его отличие от экономического районирования было дано С.Я. Ныммик еще в 80-х годах прошлого века. Социально-экономическое районирование, по его мнению, проводится, начиная с внутриобластного районирования и подчиненных ему более низких таксономических ступеней районирования с учетом большой значимости системы расселения [28, С. 30].

Естественно, что упомянутая концепция экономического районирования формировалась применительно к директивно-плановой экономике, рассматривающей район как «своеобразную, по возможности законченную территорию страны, которая благодаря комбинациям природных особенностей, культурных

накоплений прошлого времени и населения с его подготовкой к производственной деятельности представляла бы одно из звеньев общей цепи народного хозяйства...» [51, С. 55].

Управленческие округа в отличие от достаточно произвольного выделения рассмотренных выше территориальных зон формировались в результате социально-экономического районирования, с учетом не только экономической, но и социальной целостности (законченности) территории, ее тяготения к определенным центрам – социально-экономическим узлам и ядрам, сложившейся системы расселения населения, социальной инфраструктуры, нашедшей свое отражение в формировании в регионе медицинских и образовательных округов и в этом смысле они (округа) являются более адекватным объектом территориального стратегирования.

Сегодняшняя ситуация принципиально иная. Главное ее отличие, с позиции нашего исследования – отсутствие иерархической вертикальной структуры социально-экономических районов. Отношения федеральных и региональных властей, а также органов местного самоуправления строятся не на началах соподчинения и директивы, а на определении компетенции каждого из звеньев управления, разделении и взаимном делегировании полномочий путем принятия соглашений. Ее прямым следствием, особенно на этапе становления новой системы отношений, является актуализация на уровне региона координации действий органов исполнительной власти края, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, ориентированная на повышение эффективности управления социально-экономическим развитием территории.

В заключении раздела заметим, что для формирования региональной стратегии как инструмента обеспечения роста конкурентоспособности региона и муниципальных образований понадобится немало усилий и времени.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К РАЗДЕЛУ 3

- 1. Чем, на ваш взгляд, обусловлен интерес исследователей к проблемам регионального стратегирования?**
- 2. Сформулируйте основные положения «западного» подхода к территориальному планированию. Почему в российских условиях западный опыт территориального планирования не пригоден для копирования в чистом виде?**
- 3. Изучите подходы к стратегическому управлению территориями, предложенными Д.П. Фроловым и И.А. Соловьевой. Изложите основные положения концепций в виде доклада на практическом занятии.**
- 4. Объясните суть методических подходов к региональному развитию с точки зрения О.А. Козловой и ее коллег.**
- 5. Поясните термины «кластер», «кластерная политика», «синергетический эффект». Приведите примеры кластеров, в т.ч. действующих на территории Алтайского края. Охарактеризуйте основные преимущества и сложности работы организаций в составе кластера. Как способствуют кластеры развитию региона?**
- 6. Дайте развернутую характеристику таким инструментам стратегирования как: особые экономические зоны, территории опережающего развития, технопарки и технополисы. Приведите конкретные примеры.**
- 7. Перечислите пять этапов эволюции стратегического планирования в регионах России по оценке специалистов Института экономики Уральского отделения РАН.**
- 8. Охарактеризуйте три группы стратегий социально-экономического развития субъектов Федерации, выделенных А.Г. Шеломенцевым.**
- 9. Дайте определение понятию «бенчмаркетинг» и объясните, чем этот инструмент может быть полезен в процессе разработки региональных стратегий.**

- 10. Объясните «слабые» элементы регионального стратегирования, выделенные специалистами.**
- 11. Раскройте суть SWOT-анализа как инструмента регионального стратегирования. Почему формальное и неквалифицированное использование этого инструмента может привести к негативным результатам?**
- 12. Сделайте SWOT-анализ Алтайского края (или другого субъекта федерации на ваш выбор).**
- 13. Согласны ли вы с утверждением, что «региональное стратегическое планирование – необходимый и важнейший элемент регионального управления»? Аргументируйте свою точку зрения.**
- 14. Сформулируйте выводы по результатам анализа практики регионального стратегирования в Алтайском крае, изложенного в параграфе 3.2 данного учебного пособия.**

Приложение. Характеристика территориальных зон Алтайского края в таблицах

Таблица 1.1.

Общая характеристика социально-экономического развития Алтайского края в разрезе
территориальных зон

Название зоны	Площадь территории	Население	Плотность населения (чел./кв.км)	Состав	
				Гор.округа	Муниципальные образования
Южная зона	6026 тыс. га 45967,42 км ² (27,4% от общей площади региона)	392,9 тыс. чел. (16,6% населения региона)	8,55	Рубцовск	Волчихинский, Егорьевский, Змеиногорский, Краснощековский Курьинский, Локтевский, Михайловский, Новичихинский, Поспелихинский, Рубцовский, Третьяковский, Угловский, Чарышский, Шипуновский.
Юго-Восточная зона	3848,8 тыс. га 29574,63 км ² (17,5% от общей площади региона)	420,8 тыс. чел. (17,7% населения региона)	14,3	Белокуриха Бийск	Солонешенский, Алтайский, Красногорский, Солтонский, Целинный, Бийский, Ельцовский, Смоленский, Быстроистокский, Зональный, Советский, Петропавловский

Продолжение таблицы 1.1

Северо-Западная зона АК	4398,6 тыс. га 44277,44 км ² (26,2% от общей площади региона)	360,9 тыс. человек (15,1% населения региона)	8,1	Камень-на-Оби Славгород Яровое	Баевский, Благовещенский, Бурлинский. Завьяловский, Каменский, Клочевский, Крутинский, Кулундинский, Мамонтовский, Немецкий, Панкрушихинский Родинский, Романовский, Суетский, Табунский, Тюменцевский, Хабарский.
Северо-Восточная зона АК	6377,97 тыс. га 49009,38 км ² (29% от общей площади региона)	1193 тыс. чел (50% населения региона)	24,3	Алейск Барнаул Заринск Новоалтайск	Алейский, Заринский, Залесовский, Троицкий, Ребрихинский Тальменский, Тогульский, Кыгмановский, Шелаболихинский, Первомайский, Павловский, Косихинский, Топчихинский, Усть-Пристанский, Калманский, Усть-Калманский.

Таблица 1.2.

Демографическая ситуация в разрезе зон экономического роста

Северо-Западная зона	Южная зона	Северо-Восточная зона	Юго-Восточная зона
<ul style="list-style-type: none"> - депопуляция населения; - тенденция старения населения; - тенденция увеличения коэффициента естественного прироста населения, несмотря на сохраняющееся его отрицательное значение. 	<ul style="list-style-type: none"> - депопуляция населения; - коэффициент рождаемости ниже среднего по региону на 1,1% (12,1% против 13,2%), а коэффициент смертности выше на 1,6% (15,9% против 14,3%). Естественная убыль населения выше, чем по краю на 2,5% (-3,7% против -1,2%); - высокий миграционный отток; - постаревшая возрастная структура (средний возраст - 41,5 лет); - значительный половой диспаритет (112 женщин на 100 мужчин). 	<ul style="list-style-type: none"> - тенденция увеличения населения; - увеличение в возрастной структуре доли населения пенсионного возраста; - рост численности населения в возрасте от 0 до 15 лет. 	<ul style="list-style-type: none"> - депопуляция населения; - коэффициент рождаемости выше среднего по региону на 0,4% (13% против 12,6%), коэффициент смертности также выше среднего по региону на 1% (15,1% против 14,1%). Естественная убыль населения выше, чем по краю; - высокий миграционный отток, имеющий тенденцию снижения; - неравномерность половозрастной структуры населения (количество женщин превышает количество мужчин); - тенденция общего сокращения численности населения при росте демографической нагрузки.

Таблица 1.3.

Состояние промышленности в территориальных зонах Алтайского края

Северо-Западная зона	Южная зона	Северо-Восточная зона	Юго-Восточная зона
<p>Базовые отрасли промышленности</p> <ul style="list-style-type: none"> - пищевая промышленность; - перерабатывающая промышленность; - деревообрабатывающая промышленность; - стройиндустрия; - химическая промышленность. <p>Характеристика зоны</p> <ul style="list-style-type: none"> - на зону приходится 6,9% промышленного производства края; - слабая инвестиционная активность; - низкая инвестиционная привлекательность; - невысокий уровень развития промышленного производства; - существенный износ основных средств. 	<p>Базовые отрасли промышленности</p> <ul style="list-style-type: none"> - обрабатывающая промышленность; - добывающая промышленность; - пищевая промышленность; - лесоперерабатывающая промышленность. <p>Характеристика зоны</p> <ul style="list-style-type: none"> - на зону приходится 12-13% годового валового выпуска промышленной продукции края; - высокий потенциал для развития в форме кластеров; - территориальные диспропорции. 	<p>Базовые отрасли промышленности</p> <ul style="list-style-type: none"> - производство кокса; - производство железнодорожного грузового подвижного состава; - производство изделий из пластмасс, резинотехнических и асбестотехнических изделий; - производство пищевой продукции; - металлургическое производство; - производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования; - лесная и деревообрабатывающая промышленность; - производство строительного кирпича. <p>Характеристика зоны</p> <ul style="list-style-type: none"> - на зону приходится 62% промышленного производства края; - территориальные диспропорции; - неполная загрузка производственных мощностей; - высокая изношенность основных фондов в обрабатывающих производствах и энергетике; - территориальная удаленность от европейских рынков сбыта. 	<p>Базовые отрасли промышленности</p> <ul style="list-style-type: none"> - химическая промышленность; - пищевая промышленность; - деревообрабатывающая промышленность. <p>Характеристика зоны</p> <ul style="list-style-type: none"> - несбалансированность структуры экономики зоны с преимуществом долей низкорентабельных отраслей промышленности; - территориальные диспропорции (3/4 промышленного выпуска концентрируются в г. Бийске); - кластерное развитие инновационных производств.

Таблица 1.4.

Инвестиционный климат в разрезе территориальных зон Алтайского края и меры по его улучшению

Северо-Западная зона	Южная зона	Северо-Восточная зона	Юго-Восточная зона
<p>Инвестиционный климат</p> <ul style="list-style-type: none"> - слабая инвестиционная активность; - тенденция снижения доли инвестиций в основной капитал муниципальных образований, входящих в зону, в общем объеме инвестиций края; - величина инвестиций в основной капитал на душу населения более чем в два раза ниже значения в среднем по краю, что значительно снижает экономическое развитие зоны; - низкая инвестиционная привлекательность; - низкий уровень развития промышленного производства относительно других зон. <p>Меры по его улучшению:</p> <ul style="list-style-type: none"> - действовать информационно-консультационные центры поддержки предпринимательства; - приняты планы по улучшению инвестиционного климата. 	<p>Инвестиционный климат</p> <ul style="list-style-type: none"> - высокая степень неоднородности среди муниципальных образований по величине инвестиций в основной капитал на душу населения; - за последние пять лет наблюдается незначительное снижение величины инвестиций в основной капитал на душу населения (аналогичный тренд у регионального показателя); - спад инвестиционной активности за счет снижения ожидаемой рентабельности инвестиционных проектов, что обусловлено высокими транспортными издержками, отсутствием контейнерных перевозок, длительным сроком доставки продукции железнодорожным транспортом; - высокая конкуренция со стороны Казахстана. <p>Меры по его улучшению:</p> <ul style="list-style-type: none"> - внедрены все разделы регионального инвестиционного стандарта; - приняты планы по улучшению инвестиционного климата. 	<p>Инвестиционный климат</p> <ul style="list-style-type: none"> - объем инвестиций составляет 61,4% (65,5 млрд. рублей) в объеме инвестиционных вложений в крае. - наличие территориальной диспропорции в проявлении инвестиционной активности; <p>Меры по его улучшению:</p> <ul style="list-style-type: none"> - разработан стандарт деятельности органов местного самоуправления по обеспечению благоприятного инвестиционного климата; - приняты планы по улучшению инвестиционного климата; - разработаны инвестиционные паспорта территорий. 	<p>Инвестиционный климат</p> <ul style="list-style-type: none"> - доля зоны в общем объеме капитальных вложений края – 13%, при этом экономика зоны формирует не менее 16% выпуска товаров и услуг; - объем инвестиций на душу населения превышает краевой показатель на 20%; - положительная тенденция увеличения объема инвестирования зоны за счет инвестиций в рекреационную зону; - высокая дифференциация муниципальных образований по объему инвестиций на душу населения (в зоне есть лидеры края по эффективности экономики, а есть и образования, находящиеся в самом конце списка по рейтингу). <p>Меры по его улучшению</p> <ul style="list-style-type: none"> - многоуровневая система поддержки предпринимательства: от этапа создания и становления до этапа расширения мощностей и достижения устойчивого финансового положения; - наличие бизнес инкубатора в г. Бийске; - действуют предствительства Алтайского фонда микрораймов, Алтайского гарантийного фонда.

Таблица 1.5.

Состояние агропромышленного комплекса Алтайского края в разрезе зон экономического роста

Северо-Восточная зона	Южная зона	Северо-Западная зона	Юго-Восточная зона
<p>- значительная доля личных подсобных хозяйств;</p> <p>- доля производства сельскохозяйственной продукции в краевом выпуске – 33%;</p> <p>- доля производства зерновых и зернобобовых культур в краевом выпуске – 31%;</p> <p>- доля сбора гречихи в краевом объеме – 34%;</p> <p>- доля сбора сахарной свеклы в краевом объеме – 96%;</p> <p>- доля производства льноволокна в краевом объеме – 70%;</p> <p>- доля сбора овощей открытого грунта в краевом объеме – 43%;</p> <p>- доля сбора картофеля в краевом объеме – 40%;</p> <p>- в животноводстве зона специализируется на свиноводстве, птицеводстве, мясном и молочном скотоводстве, также развивается коневодство, пчеловодство, рыбное хозяйство;</p> <p>- доля выпуска яиц в краевом объеме – 63,8%;</p> <p>- доля производства молока в краевом объеме – 27%.</p>	<p>- значительная доля личных подсобных хозяйств (45%) и организаций (35%) (тенденция увеличения доли фермерских хозяйств и сокращения доли организаций);</p> <p>- площадь сельскохозяйственных угодий занимает 26,7% площади угодий края;</p> <p>- доля производства сельскохозяйственной продукции в краевом выпуске – 21,5%;</p> <p>- удельный вес подсолнечника в краевом производстве – 41%;</p> <p>- доля производства зерновых и зернобобовых культур в краевом выпуске – 21,9%;</p> <p>- основа животноводства – выращивание крупного рогатого скота (прежде всего молочное скотоводство), овцеводство и козоводство;</p> <p>- наличие таких подотраслей животноводства как: пчеловодство, пантовое оленеводство и мараловодство;</p> <p>- доля производству макаронной продукции в краевом выпуске – 60%.</p>	<p>- площадь сельскохозяйственных угодий занимает 35,1% площади угодий края;</p> <p>- доля производства сельскохозяйственной продукции в краевом выпуске – 21,1%;</p> <p>- вклад в краевое производство мяса и субпродуктов субъектов зоны составляет 6,5%;</p> <p>- доля производства цельномолочной продукции в краевом выпуске – 7,8%;</p> <p>- доля производства сыров и сырных продуктов в краевом выпуске – 14,7%;</p> <p>- доля производства муки и зерновых и зернобобовых культур в краевом выпуске – 20%;</p> <p>- животноводство представлено скотоводством и птицеводством</p> <p>- доля производства молока в краевом объеме – 27,5%.</p>	<p>- большая доля выпуска продукции приходится на организации, меньшая доля – на фермеров (тенденция увеличения доли фермерского хозяйства);</p> <p>- доля производства сельскохозяйственной продукции в краевом выпуске – 22%;</p> <p>- доля сбора льна-долгунца в краевом объеме – 30% (тенденция снижения объемов);</p> <p>- доля производства зерновых культур в краевом выпуске – 18% (тенденция увеличения объемов);</p> <p>- доля сбора гречихи в краевом объеме – более 50%;</p> <p>- доля сбора овса в краевом объеме – более 30%;</p> <p>- развито животноводство: выращивание крупного рогатого скота, а также свиноводство, овцеводство, козоводство, коневодство, пчеловодство.</p>

Таблица 1.6.

Внутренние риски и угрозы развитию Алтайского края в разрезе территориальных зон

Южная зона	Юго-Восточная зона	Северо-Западная зона	Северо-Восточная зона
Риски и угрозы развитию социальной сферы			
<ul style="list-style-type: none"> - снижение численности трудоспособного населения; - диспропорции на рынке труда; - высокая дифференциация муниципальных образований по уровню и качеству жизни населения 	<ul style="list-style-type: none"> - тенденция снижения численности трудоспособного населения; - диспропорции на рынке труда; - низкая эффективность социальной и инженерной инфраструктуры; - недиверсифицированность рынка туристических услуг и проблемы транспортной доступности; - наличие дифференциации в развитии потребительского рынка на территории зоны 	<ul style="list-style-type: none"> - снижение численности населения; - недостаточные темпы жилищного строительства; - преобладание самостоятельных туристов на фоне дефицита средств размещения; - недостаточное и неравномерное развитие инфраструктуры сферы развлечений и сервисных услуг; - отставание темпов развития инженерной и транспортной инфраструктуры от потребности в развитии производственного и жилищного строительства; - недостаточный уровень развития материально-технической базы учреждений социальной сферы 	<ul style="list-style-type: none"> - дефицит квалифицированных кадров в учреждениях социальной сферы; - низкий уровень благоустройства сельского жилищного фонда; - неравномерное развитие туризма и сферы развлечений

Южная зона	Юго-Восточная зона	Северо-Западная зона	Северо-Восточная зона
Риски и угрозы развитию экономики территориальной зоны			
<ul style="list-style-type: none"> - высокий уровень теневой экономики; - дефицит высококвалифицированных кадров; - транспортная труднодоступность территории, плохое состояние транспортно-логистического комплекса, неразвитая транспортная инфраструктура; - низкий уровень инвестиционной активности и инвестиционной привлекательности; - недостаточное количество предприятий агропромышленного комплекса, которые производят продукцию с высокой добавленной стоимостью; - деградация сельскохозяйственных угодий из-за использования устаревших технологий обработки почвы; - неэффективная практика ирригации, обуславливающие засоление, несоблюдение севооборотов и несбалансированное внесение удобрений, ведущее к потере плодородия, загрязнение почв, водоемов 	<ul style="list-style-type: none"> - недостаточная диверсифицированность экономики; - неоптимальная организационно-производственная структура агропромышленного комплекса; - проблемы развития энергетики; - высокая дифференциация муниципальных образований по уровню эффективности экономики 	<ul style="list-style-type: none"> - недостаточные темпы технологической модернизации аграрного и промышленного производства; - ограниченные бюджетные возможности и недостаток собственных ресурсов предпринимательского сектора для инвестирования; - недостаточная инвестиционная привлекательность экономики; - недостаточно высокая эффективность сельскохозяйственного производства; - недостаток квалифицированных специалистов в экономике и социальной сфере. 	<ul style="list-style-type: none"> - недостаточные темпы технологической модернизации промышленного и аграрного производств; - наличие инфраструктурных ограничений; - низкие показатели инвестиционной активности и темпы диверсификации экономики моногородов. - неполная загрузка производственных мощностей; - ограниченные финансовые возможности региональных инвесторов для реализации крупных инвестиционных проектов; - высокая транспортная составляющая в конечной цене реализации на европейских рынках сырья; - высокая изношенность основных фондов в промышленном производстве, ЖКХ; - территориальная диспропорция в темпах промышленного и сельскохозяйственного производства, средней заработной платы, инвестиционной активности; - отставание темпов роста сельскохозяйственного производства в отдаленных от краевого центра территориях

Таблица 1.7.

Конкурентные преимущества Алтайского края в разрезе территориальных зон

Южная зона	Юго-Восточная зона	Северо-Западная зона	Северо-Восточная зона
<p>- приграничное и транзитное географическое положение;</p> <p>- природно-агроклиматические условия зоны благоприятствуют развитию сельского хозяйства;</p>	<p>- благоприятное геоэкономическое положение, определяемое близостью к развитым регионам Казахстана;</p> <p>- высокий потенциал земельных, водных, минеральных и рекреационных ресурсов;</p> <p>- сформированный туристический сектор;</p> <p>- положительное сальдо миграции</p>	<p>- на территории зоны расположены важнейшие транспортные магистрали;</p> <p>- развитая автодорожная сеть, железнодорожные и водные пути сообщения;</p> <p>- близость к крупным рынкам сбыта;</p> <p>- наличие привлекательных туристических активов;</p> <p>- значительный рекреационный и оздоровительный потенциал</p>	<p>- выгодное геоэкономическое положение зоны, определяемое близостью к промышленным центрам Западной и Восточной Сибири;</p> <p>- прохождение по территории зоны транспортных коммуникаций федерального и международного значения;</p> <p>- относительно благоприятные природно-климатические условия;</p> <p>- значительные площади ценных сельскохозяйственных угодий;</p> <p>- прохождение по территории зоны основной части туристского потока, в том числе международного;</p> <p>- соседство с наукоградом Бийском, а также Томской и Новосибирской областями, которые являются центрами прикладной науки;</p> <p>- наличие учреждений академической</p>
Конкурентные преимущества в экономико-географическом положении и социальной сфере			

Южная зона	Юго-Восточная зона	Северо-Западная зона	Северо-Восточная зона
<ul style="list-style-type: none"> - наличие крупного города (г. Рубцовск) с производственной базой, промышленными площадками, транспортной инфраструктурой; - известность бренда Алтайского края как сельскохозяйственного региона 	<ul style="list-style-type: none"> - устойчивая позиция на ряде продуктовых рынков России; - лидирующие позиции на российском биофармацевтическом рынке; - высокий уровень развития прикладной науки; - наличие предприятий с высоким уровнем производительности труда; - инвестиционная конкурентоспособность зоны 	<ul style="list-style-type: none"> - диверсифицированная экономика; - значительные мощности по переработке сельскохозяйственной продукции; - экономическая и социальная освоенность территории 	<ul style="list-style-type: none"> - наличие устойчиво развивающейся Барнаульской агломерации с развитыми секторами обрабатывающих производств и услуг, транспортно-логистическими и торгово-дистрибьюторскими функциями; - высокая степень диверсификации отраслевой структуры экономики зоны в целом, значительный удельный вес обрабатывающих отраслей в промышленности
Конкурентные преимущества в сфере экономики			

Таблица 1.8.

Внешние риски и угрозы Алтайского края в разрезе территориальных зон

Южная зона	Юго-Восточная зона	Северо-Западная зона	Северо-Восточная зона
Риски и угрозы развитию социальной сферы			
Снижение численности населения России, Сибирского федерального округа	Снижение численности населения России, Сибирского федерального округа	Снижение численности населения России, Сибирского федерального округа	Снижение численности населения России, Сибирского федерального округа
Риски и угрозы развитию экономики			
Высокая стоимость заемных ресурсов Волатильность цен на сельскохозяйственную продукцию Конкуренция со стороны других муниципальных образований Алтайского края, субъектов РФ и стран Неблагоприятные колебания климата	Недостаточная доступность заемных ресурсов Нестабильность цен на сельскохозяйственную продукцию Конкуренция со стороны других регионов РФ Неблагоприятные колебания климата	Усиливающаяся конкуренция за рынки сбыта продукции со стороны Казахстана	Неблагоприятные природно-климатические условия для сельского хозяйства Риски, связанные со снижением доли финансовых средств, необходимых компаниям для инвестиционного процесса Риски, обусловленные зависимостью экономики зоны от конъюнктуры рынков и цен на сырье и продукцию Риск технологического отставания, который усиливается риском удорожания импортруемых технологий и оборудования

Таблица 1.9.

Потенциальные возможности Алтайского края в разрезе территориальных зон

Южная зона	Юго-Восточная зона	Северо-Западная зона	Северо-Восточная зона
<p>Курс на импортозамещение в России</p> <p>Высокий потенциал для внедрения технологий повышения производительности в агропромышленном комплексе</p> <p>Развитие института государственно-частного партнерства в РФ</p> <p>Широкие возможности для диверсификации экономики</p> <p>Формирование Рубцовско-Змеиногорской агломерации</p> <p>Развитие туристическо-рекреационного комплекса зоны</p>	<p>Перспективы участия предприятий зоны в импортозамещении, связанные с развитием скотоводства, включая молочное направление, выращивание овощей и ягод в закрытом грунте, а также строительством инфраструктуры, увеличивающей срок хранения овощей</p> <p>Широкомасштабная политика импортозамещения в России</p> <p>Доступность технологий повышения производительности в АПК;</p> <p>Инвестиционная конкурентоспособность зоны</p> <p>Развитие института государственно-частного партнерства в РФ</p>	<p>Использование потенциала импортозамещения, а также роста мирового спроса на продовольствие</p> <p>Высокий потенциал для внедрения технологий повышения производительности в агропромышленном комплексе</p> <p>Развитие института государственно-частного партнерства в РФ</p> <p>Широкие возможности для диверсификации экономики</p> <p>Повышение инвестиционной привлекательности территории зоны за счет снижения инфраструктурных ограничений</p>	<p>Использование кластерной формы и иных инновационных форм взаимодействия предприятий</p> <p>Использование Барнаульской агломерации в качестве механизма опережающего развития ядра территории зоны</p> <p>Стимулирование развития малого предпринимательства для сокращения неформального сектора экономики, диверсификации экономики моногородов</p> <p>Развитие туристско-рекреационного кластера «Барнаул – горнозаводской город»</p> <p>Использование в качестве механизма инновационного развития консолидации научно-технического и инновационного потенциалов зоны, наукограда Бийска, Томской и Новосибирской областей</p> <p>Использование значительного научного потенциала вузов, академической науки и научно-исследовательских институтов</p>

Библиографический список

1. О внедрении предметно-зонального (проблемно-объектного) метода государственного управления в Алтайском крае: постановление Администрации Алтайского края от 3 сентября 2009 г. № 383 // Алтайская правда. - 2009. - 14 окт.
2. О признании утратившими силу некоторых правовых актов Администрации края: постановление администрации Алтайского края от 17 января 2014 г. №16 [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/460221088>.
3. Об утверждении краевой программы «Создание центра регионального развития на территории города Рубцовска и Рубцовского района: постановление администрации Алтайского края от 19 октября 2012 г. №565 [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/499107696>.
4. Об утверждении стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 г.: закон Алтайского края от 21 ноября 2012 года №86-ЗС [Электронный ресурс]. – URL: http://www.econom22.ru/upload/iblock/f3c/Zakon86-zs_121121.pdf.
5. Об утверждении стратегии развития Северо-Западной зоны Алтайского края на период до 2025 г.: постановление администрации Алтайского края от 14.10.2014 №474 [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/423852814>.
6. Об утверждении стратегии развития Северо-Восточной зоны Алтайского края на период до 2025 г.: постановление администрации Алтайского края от 19.10.2016 №12 [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/432844288>.
7. Об утверждении стратегии развития Юго-Восточной зоны Алтайского края на период до 2025 г.: постановление администрации Алтайского края от 22.08.2016 №288 [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/441632304>.

8. Абрамов Р.А. Механизм реализации региональных стратегий перспективного развития муниципальных образований, основанный на кластеризации регионов // Вопросы региональной экономики. 2015. №3 (24). С. 1-7.
9. Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология. - М., 1977. – 117 с
10. Ахмедуев А.Ш. Стратегическое управление социально-экономическим развитием региона: методологические основы формирования и системные проблемы организации // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. №1. С. 53-67.
11. Балакина Г.Ф. Проблемы определения эффективности реализации стратегии развития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Том 15. №8. С. 1428-1441.
12. Бочко В.С. Ускоряющие и сдерживающие факторы скоординированного и сбалансированного развития территорий // Экономика региона. – 2015. - №1. – С. 39-52.
13. Валентей С. Первые итоги муниципальной реформы глазами экономиста // Федерализм. - 2008. - № 3. - С. 12.
14. Гагарина Г.Ю., Дзюба Е.И., Губарев Р.В., Файзуллин В.С. Прогнозирование социально-экономического развития российских регионов // Экономика региона. 2017. Том 13. Вып. 4. С. 1080-1094.
15. Емельянова Т.П., Мищенко И.В. Актуальные проблемы реформы местного самоуправления : препринт. - Барнаул, 2009. - 30 с.
16. Клецкова Е.В., Понятов Е.А. Перспективы реализации стратегии роста ВРП Алтайского края: есть ли условия и ресурсы // Экономика устойчивого развития. 2017. № 5. С. 154-163.
17. Климанова В.В., Будаева К.В. Точки роста как элемент стратегического планирования в регионах России // Региональные исследования. 2017. №3 (57). С 99-106.

18. Козлова О.А., Терентьева Т.В., Макарова М.Н., Лан Д.Х. Территориальные факторы стратегического развития дальневосточных регионов // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 3. С. 765-775.
19. Комплексная программа социально-экономического развития Алтайского края на перспективу до 2005 года: научный отчет ИЭОПП СО РАН. - Новосибирск, 1996. С. 464 – 471.
20. Концепция развития Алтайского края на перспективу до 2005 года. - Новосибирск, 1996. - С. 464-471.
21. Лапыгин Д.Ю. Методы анализа факторов развития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2016. №2. С. 159-168.
22. Маршалова А.С., Новоселов А.С. Региональная экономическая политика субъекта Федерации: проблемы разработки и реализации // Регион: экономика и социология. 2014. №1 (81). С. 124-144.
23. Медведев Д. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. 2016. №10. С. 5-30.
24. Медведкова Э.А. Социально-экономическое районирование Приангарья. - Новосибирск: Наука, 1985. - С. 60–72.
25. Митрофанова И.В., Мельникова Н.С., Батманова В.В. Региональное стратегирование: некоторые итоги 2014–2017 годов // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 1 (19). С. 75-82.
26. Наземцева Ю.Ю. Общая характеристика зонирования и типологизации территорий Алтайского края // Актуальные проблемы модернизации экономики России: регион, отрасль, предприятие: сборник материалов междунар. науч-практ. конференции (Барнаул, 15-17 декабря 2014 г.). – Барнаул.: Изд-во Алт.гос.техн.ун-та.–2014. – С. 158-160.
27. Научный отчет Центра по изучению проблем народонаселения МГУ. – М., 1984. - 94 с.
28. Ныммик С.Я. Социально-экономическое районирование (на примере Эстонской ССР) // Ученые записки Тартуского университета. - 1981. - Вып. 578. - С. 30.

29. Потапов Л.В. Методология и организация системы стратегического планирования социально-экономического развития региона // Регионалистика. 2018. Том 5. №3. С. 45-58.
30. Проведение научных исследований и разработка программы устойчивого развития сельских поселений на основе зонирования территорий Алтайского края: отчет. – ФГОУ ВПО РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева. - М., 2009. - 123 с.
31. Разработка стратегии социально-экономического развития Южной зоны Алтайского края: отчет о научно-исследовательской работе / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Санкт-Петербург, 2017. – 94 с.
32. Сильвестров С.Н., Бауэр В.П., Еремин В.В. К анализу поучительного для России опыта применения инструментария стратегического планирования во Франции, США и КНР // Российский экономический журнал. 2019. №1. С. 41-57.
33. Сироткина Н.В. Проблемы сбалансированного развития региона: теоретические и практические аспекты / Н.В. Сироткина, Л.Н. Лисовцева, И.Н. Воронцова, А.Ю. Гончаров. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2014. – 223 с.
34. Смолеев С.В. Сбалансированное и комплексное развитие региона // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. - №8. [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sbalansirovannoe-i-kompleksnoe-razvitiie-regiona>.
35. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. [Электронный ресурс]. - URL: <http://ak.gks.ru/default.aspx>.
36. Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае: монография / под ред. А.Я. Троцкого. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. 424 с.
37. Троцкий А.Я. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. - Новосибирск, 1997.

38. Троцкий А.Я., Мищенко И.В. Пространственные аспекты развития социально-экономической среды сельских территорий Алтайского края: методика, результаты, регулирование: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. –176 с.
39. Троцкий А.Я., Наземцева Ю.Ю. Исследование и регулирование пространственных аспектов развития экономики на региональном уровне: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 200 с.
40. Троцкий А.Я., Наземцева Ю.Ю. Тернистые пути регионального стратегирования // Финансовая экономика. 2019. № 9. С. 290-295.
41. Троцкий А.Я., Наземцева Ю.Ю., Обиремко С.И. Разработка стратегий развития территориальных зон Алтайского края: продуктивна ли идея в условиях нестабильности? // Экономика устойчивого развития. 2019. № 1(37). С. 247-252.
42. Троцкий А.Я., Перекаренкова Ю.А. Дисбалансы в пространственном развитии Алтайского края в контексте реализации долгосрочной стратегии // Экономика. Профессия. Бизнес. 2018. №4. с. 75-85.
43. Троцкий А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. Стратегия социально-экономического развития края до 2035 года: экспертная оценка и предложения по совершенствованию // Экономика. Профессия. Бизнес. 2019. №2. с. 79-85.
44. Федосеев В.И. Комплексная типология сельских районов Алтайского края. – Новосибирск, 1987.
45. Фролов Д.П., Соловьева И.А. Будущее стратегий территориального развития: анализ современных методологий // Региональная экономика: теория и практика. 2016. №10. С. 28-45.
46. Чертов Н.А. Стратегия самодостаточного развития агропромышленного региона. - Новосибирск, 2003.
47. Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные по-

следствия для практики регионального стратегирования (часть 1) // Регионалистика. 2016. Том 3. №3. С. 48-60.

48. Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (часть 2) // Регионалистика. 2016. Том 3. №6. С. 69-80.

49. Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В., Трушкова Е.А., Шихвердиев А.П. Стратегии – 2030: подходы к разработке в регионах России // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Том 9 №4. С.570-592.

50. Экономическая энциклопедия регионов России. Алтайский край / Глав. Ред-кол.: Ф.И. Шамхалов (гл. ред.) и др.; ред. кол. тома: Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края; вступительное слово: Губернатор Алтайского края А.Б. Карлин; НПО «Экономика». – М.: «Экономика», 2012. – 477 с.

51. Экономическое районирование России: доклад на 2 сессии Госплана ВЦИК // Вопросы экономического районирования СССР. - М., 1957. - С. 52-63.

52. Янё В.С. Социально-экономическая ситуация Приволжского федерального округа в контексте реализации программы устойчивого развития российских регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2017. №15. Том 6. С. 1082-1099.

53. Duranton G California Drefmin': The Feeble Case for Cluster Policies. *Review of Economic Analysis*. 2011, vol. 3, no 1, pp. 3-45.

54. Gordon I.R., McCann. Industrial Clusters:Complexes, Agglomeration and/or Social Networks? *Urban Studies*, 2000, vol. 37, no 3, pp. 513-532.

Учебное издание

**Юлия Юрьевна Наземцева
Александр Яковлевич Троцкий**

**ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА
И ИХ УЧЕТ В ПРОЦЕССЕ СТРАТЕГИРОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)**

Учебное пособие

Издание печатается в авторской редакции

ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 22.10.2019. Формат 60x84 / 16.

Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 5,58.

Тираж 300 экз. Заказ № 551

Издательство Алтайского государственного университета

Типография Алтайского государственного университета:

656099 Барнаул, ул. Димитрова, 66